

ПЕТЕРБУРГ - 2010

ЕЖЕГОДНАЯ ВЫСТАВКА НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ

8 - 22 ЯНВАРЯ 2011 ГОДА

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ "МАНЕЖ"

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ:

ВЕРНИСАЖ - 8.01 в 16.00

Программа перформанса - 14.01-16.01, 15.00

Поэтические чтения - 21.01, 16.00

Теоретическая конференция - 22.01, 16.00
Награждение дипломами выставки

МАЛЫЙ ЗАЛ ЦВЗ «МАНЕЖ»
канал Грибоедова, 103

Персональные выставки А.Зинштейна, Г.Вайнман-Стожаровой
3.01-16.01

Мастер-классы Театра OddDance
11-13 января

ΚΑΤΑΛΟΓ

- АГАБЕКОВ Александр Суренович. 1936
 Валенки. 2010. К., смешан. техн. 70x50
 АГАРКОВА Наталья Ивановна. 1962
 Вера. 2010. Холст, масло. 70x50
 АГДАМОВ Рашид Абдуллович. 1951
 Лодки. Неаполь. 2010. Х., м. 60x70
 АЛЕКСЕЕВ Федор Львович. 1952
 Весна над Летним садом. 2010. Х., м. 150x100
 АНДРЕЕВ Виктор Дмитриевич. 1955
 Композиция. 2010. Холст, масло. 86x69
 АНОПОВА Валентина Акимовна. 1938
 На пл. Султана Ахмеда. Стамбул. 2010
 Холст, масло. 80x100
 АНТИПИНА Дарья Олеговна. 1977
 Белая ночь. Портрет П.И. Рысаковой. 2010. Х., м.
 АНТОНЫШЕВ Ян Анатольевич. 1965
 Дом Ландринь плывет.. 2010. К., постель. 60x80
 АНФАЛОВА Надежда Владимировна. 1976
 Дождь над Москвой. 2010. Б., шелкография. 50x70
 АРЦУТАНОВА Елена Дмитриевна. 1957
 Дом у озера. 2010. Холст, масло. 120x100
 АСМУС Анна Михайловна. 1989
 Дикie яблоки. 2010. Цифр. ф/гр, проекц. печать. 48x32
 АСТАФЬЕВА Ольга Евгеньевна. 1954
 Александр Невский-схимник. 2010
 Ниткография. 40x135
 АСТРЕЙН Лариса Аркадьевна. 1941
 Осенняя интервенция. 2010. Х., м. 115x116
 АФАНАСЬЕВ Валентин Владимирович. 1945
 Сарабанда Баха. 2010. Холст, масло. 160x160
 БАДАЛОВ Илья Борисович. 1950
 Осень в Тарту. 2010. Орг., акрил. 40x60
 БАДЕЛИНА Светлана Юрьевна. 1962
 Жилконтора. 2010. Холст, масло. 60x80
 БАРАБАНЩИКОВ Дмитрий Андреевич. 1992
 Затянувшаяся зима. 2010. Картон, постель. 70x50
 БАРАНОВА Надежда Борисовна. 1952
 Цикламены. 2010. Хол. батик. 40x150
 БАРЫШЕВ Сергей Викторович. 1963
 Осень. 2010. Холст, масло. 80x100
 БАСИН Анатолий Нисонович. 1936
 Две. 2010. Холст, масло. 135x105
 БАХТИЯРОВА Саня Мифтяховна. 1949
 Букет. Посв. Мусе Джалилю. 2010. Х., м. 80x60
 БАШКИРОВ Сергей Геннадиевич. 1971
 Автопортрет. 2010. Холст, акрил. 110x100
 БЕЛЛЕ Александра Владимировна. 1958
 Сливы. Вот такая вот красота. 2010. Х., м. 60x70
 БЕРШАДСКАЯ Олеся Анатольевна. 1987
 Станция. 2010. Б., постель. 40x50
 БИРУЛЯ Ирина Михайловна. 1944
 Бессонница. 2010. Орг., масло. 90x72
 БИХТЕР Александр Алексеевич. 1951
 Косички. Тенериф. 2010. Холст, масло. 80x90
 БО Вадим. 1973
 Без названия. 2010. Х., м. 140x100
 БОГДАНОВА Ольга Ивановна. 1980
 Легенда о рыбе. 2010. Ручн. ткачество. 90x90
 БОГОМОЛОВА Мария Викторовна. 1990
 «Маяковская». 2010. Б., воскография. 40x27
 БОЛЬШАКОВА Зоя Аркадьевна. 1968
 Северный пейзаж. 2010. Войлок. 90x90
 БОРИСОВ Виктор Глебович. 1957
 Слуга народа. 2010. Холст, масло. 70x60
 БОРИСОВ Леонид Константинович. 1942
 Небо. 2010. Холст, принт, акрил. 100x75
 БОРОВИКОВ Алексей Николаевич. 1985
 Сон. 2010. Керамика. 110x35
 БОРОДЗЮЛЯ Ирэна Адамовна. 1933
 Цветок. 2010. Б., акв. 25x18
 БОРОДИН Станислав Юрьевич. 1950
 Норвегия. Лофотенские острова. 2010. Х., м. 61x75
 БОРЩ Борис Михайлович. 1948
 Лето. 2010. Холст, масло. 80x120
 БРОВИНА Ирина Валентиновна. 1978
 Снег. 2010. Б., монотипия. 50x60
 БУРМИСТРОВ Игорь Александрович. 1959
 Невидимый град. 2010. Х., м. 130x150
 БУРЦЕВА Анна Владимировна. 1981
 Колыбель для кошки. 2010. Х., м. 80x100
 БУХАЛОВА Елизавета Владимировна. 1985
 Друскиникский переулок. 2010. Орг., м. 110x92
 ВАЙНМАН-СТОЖАРОВА Галина Моисеевна. 1940
 Натюрморт. 2010. Б., темпера. 85x63
 ВАЛЬРАН Валерий Николаевич. 1949
 Экспрессивная геометрия. 2010. Х., м. 140x110
 ВАСИЛЬЕВ Анатолий Николаевич. 1940
 Гость в мастерской: «Ну, батенька, кто же так рисует..»
 2010. Б., коллаж. 100x70
 ВАСИЛЬЕВ Виктор Юрьевич. 1954
 Рига. Шведские ворота. 2010. К., м. 55x45
 ВАСИЛЬЕВ Николай Владимирович. 1975
 Без названия. 2010. Полиэтилен, скотч. 200x150
 ВАСИЛЬЕВА Екатерина Сергеевна. 1987
 Встреча у Пушкина. 2010. Б., линогравюра. 54x64
 ВАТЕНИНА Наталия Анатольевна. 1945
 Деревья моего детства. 2010. Х., м. 90x70
 ВАЩИННИКОВА Лилия Александровна. 1959
 Святки на Елагином. 2010. Х., м. 100x100
 ВЕДЕРНИКОВА Светлана Энгельсовна. 1952
 За 15 минут до концерта. 2010. Х., м. 100x130
 ВЕРГАСОВА Яна Вячеславовна. 1969
 Ширма «Дерево». 2010. Объект. 180x120
 ВЕТРОГОНСКИЙ Андрей Владимирович. 1956
 Заморские гости. 2010. Холст, масло. 75x95
 ВИГЛИНА Вера Моисеевна. 1959
 Шествие гусениц. Композиция. 2010. Шамот
 ВИДЕРМАН Владимир Семенович. 1945
 Инь и Янь. 2010. Холст, масло. 99x78
 ВИЗИРЯКО Александр Васильевич. 1958
 Натюрморт «Хлеб». 2010. Холст, масло. 90x47
 ВИКТОРОВА Екатерина Андреевна. 1981
 Семейный альбом. Б., сух. игла, карборандум. 110x80
 ВИЛЬЧИНСКАЯ Ирма Витольдовна. 1945
 Голова. 2010. Керамика. 30x10
 ВЛАСОВА Елена Васильевна. 1948
 Сказочный город Севера. 2010. Б., акв. 36x47
 ВОЛОСЕНКОВ Феликс Васильевич. 1944
 Наташа, собака и бабочка. 2010
 Орг., смешан. техн. 92x70

- ВОЛЧЕК Лика. 1961
Одухотворение материи. 2010. Х., акрил. 200x150
- ВОРОБЬЕВА Юлия Александровна. 1988
Канал. 2010. Б., пастель. 63x42
- ВОРОНКОВА Татьяна Анатольевна. 1957
После лета. 2010. Холст, масло. 140x115
- ВОРСМАН Виктор Александрович. 1948
На пляж. 2010. Фотография. 30x45
- ВЭНГО Светлана Леонидовна. 1983
Сумка «Ямал». 2010. Тк., аппликация. 25x25
- ГАВРИЧКОВ Михаил Алексеевич. 1963
Эдик, артист цирка. 2010. Холст, акрил. 40x60
- ГАДАЛОВА Мария Олеговна. 1963
В интерьере. 2010. Б., гуашь. 50x38
- ГАЛЕРКИНА Елена Александровна. 1948
Культурный слой. 2010. Б., коллаж. 70x45
- ГАРДЕ Владимир Львович. 1973
Натюрморт с ложой. 2010. Х., м. 70x90
- ГЕРМАН Наталья Дмитриевна. 1965
Тарханкут. 2010. Холст, масло. 70x100
- ГИНДПЕР Евгений Анатольевич. 1949
Фонтанка, 24. 2010. Холст, масло. 105x90
- ГОДЕС Олег Залманович. 1946
Сизиф. 2010. Гипс. 70x70x60
- ГОЛОМАЗОВ Александр Александрович. 1958
Всадник. 2010. Холст, масло. 100x70
- ГОЛУБЕВ Василий Андреевич. 1964
Одинокие волки в движении. 2010. Х., м. 50x70
- ГОЛУБЕВА Лариса Александровна. 1951
Девушка у окна. 2010. Холст, масло. 93x85
- ГОРЛОВ Юрий Александрович. 1964
Нюрка. 2010. Холст, масло. 30x40
- ГОРОХОВА Елена Константиновна. 1933
Вечерний свет. 2010. Х., темп., ПВА. 45x60
- ГОРСКАЯ Юлия Сергеевна. 1939
Красное море. 2010. Холст, масло. 75x100
- ГОРСКИЙ Георгий Николаевич. 1974
Кузнец и красное колесо. 2010. Х., м. 110x120
- ГРИГОРЬЕВ Игорь Витальевич /ДРЮППЭ/. 1962
Река Луга. 2010. Холст, масло. 58x80
- ГРИГОРЬЕВ-БАШУН Вадим Борисович. 1960
Богиня Ника. 2010. Дерево. 220x70x80
- ГРОЗА Людмила Леонидовна. 1978
Попьем чайку?! 2010. Холст, масло. 60x80
- ГУСЕВ Юрий Александрович. 1939
Воспоминания о детстве. 2010
Холст, темпера. 80x120
- ГУСТЕРИНА Лариса Георгиевна. 1943
Белая ночь. 2010. Холст, масло. 129x89
- ГУЩИН Александр Кириллович. 1966
Чердак. Лето. 2010. Холст, масло. 60x70
- ГУЩИН Кирилл Александрович. 1932
Август. Портрет №1. 2010. Б., акв. 50x40
- ГЮЛАЗЯН Роберт Пантванкович. 1947
Марко из Таскании. 2010. Х., м. 120x89
- ДАШКЕВИЧ Людмила Николаевна. 1942
Зима на Шлиссельбургском проспекте. 2010
Б., пастель. 46x61
- ДАШКИНА Соня Каялимуллоевна. 1958
Обманная аэродром любви. 2010. Х., м. 100x70
- ДЕЕВ Михаил Зуирович. 1982
Новое. 2010. Оргстекло, м. 100x60
- ДЕСНИЦКАЯ-КУЗЬМИНА Александра Олеговна. 1987
Татарская девушка с осликом. 2010. Х., м. 50x75
- ДЖИГИРЕЙ Алла Александровна. 1964
Обводный канал. 2010. Холст, масло. 60x79
- ДЖИГИРЕЙ Елена Петровна. 1984
Двор «Красного треугольника». 2010
АЛ-2. 25,5x18,5
- ДИВИНА Надежда Алексеевна. 1953
На скамейке. 2010. К., масло. 40x50
- ДОБАШИНА Любовь Васильевна. 1943
Любовный треугольник. 2010
Дерево, металл. 39x37x8
- ДОДОНОВА Галина Васильевна. 1940
Рождение иконы «Спас нерукотворный». 2010
Дерево. 120x55x33
- ДОЛИНСКИЙ Люциан. 1942
Видение материнства. 2010. Холст, масло. 90 x 80
- ДОМИНОВ Рашид Рауфович. 1946
В садах Сирии. 2010. Холст, масло. 110x120
- ДУБНИКОВ Андрей Михайлович. 1964
Духовная семинария. 2010. Холст, масло. 80x100
- ДУДИНА Ирина Викторовна. 1966
«Поднимите мне веки». 2010
Ткань, коллаж. 110x70
- ДУХОВНЫЙ Евгений Александрович. 1938
Точка входа. 2010. Гранит. 45x30x18
- ДЯДЧЕНКО Игорь Вячеславович. 1953
Портрет поэта Бориса Орлова. 2010
Дерево. 50x40x30
- ЕГОРОВА Марина Сергеевна. 1968
Дерево Трансформации. 2010. Х., м. 50x70
- ЕГОРОВСКИЙ Дмитрий Вадимович. 1965
Октябрь. 2010. Холст, масло. 100x80
- ЕРШОВ Игорь Юрьевич. 1958
Натюрморт. 2010. Холст, масло. 71x54
- ЕФРЕМОВ Александр Петрович. 1951
«Лебединое озеро» (Ротбарт- И.Ситников). 2010
Холст, масло. 95x85
- ЖАБИНА Тамара Алексеевна. 1945
Вечерний полив. 2010. Холст, масло. 50x70
- ЖЕЛУДЬ Анна. 1981
Кресло. 2010. Холст, масло. 140x110
- ЖИЖУН Владислав Павлович. 1968
Поэзия архитектуры. 2010. Фотография. 60x40
- ЖИРМУНСКАЯ Александра Викторовна. 1949
Наб. Лейтенанта Шмидта. 2010. Х., м. 90x60
- ЖУКОВ Владимир Васильевич. 1933
Аритмия. 2010. Холст, масло. 70x52
- ЗАБИРОХИН Борис Павлович. 1947
Утро. 2010. Б., темп. 70x90
- ЗАВЕЛЬСКАЯ Елена Владимировна. 1953
Воспоминания. 2010. Холст, масло. 55x75
- ЗАГОСКИН Александр Анатольевич. 1954
Выкройка. 2010. Холст, акрил 200x300
- ЗАЗЕРСКАЯ Наталья Сергеевна. 1976
Две хозяйки. 2010. Б., пастель. 65x50
- ЗАЙКА Олег Владимирович. 1963
На рыбалке. 2010. Холст, масло. 140x100

- ЗАЙЦЕВ Александр Павлович. 1937
 Моцарт и Сальери. 2010. Х., м. 80x60
 ЗАЙЦЕВ Федор Александрович. 1985
 Летний сад. 2010. Холст, масло. 50x40
 ЗАРЕЦКАЯ Юлия Михайловна. 1965
 Крыша. 2010. Холст, масло. 70x90
 ЗАСЛАВСКИЙ Анатолий Савельевич. 1939
 Семейный портрет со Львом Антоновичем. 2010
 Холст, масло. 120x140
 ЗВОНАРЕВА Мария Александровна. 1975
 Композиция. 2010. Холст, масло. 70x100
 ЗЕЛЕНЕЦКИЙ Илья Павлович. 1980
 Contempo radu tra tra tra. 2010
 Х., м., эмаль. 150x150
 ЗИЗЮЛИН Сергей Николаевич. 1958
 Город мертвых. 2010. Фотография. 50x60
 ЗИНОВЬЕВ Олег Ефимович. 1937
 Грусть. 2010. Шамот. 40x27x20
 ЗИНШТЕЙН Арон Иосифович. 1947
 Семейный праздник. 2010. Х., м. 120x 95
 ЗИНШТЕЙН Анна Ароновна. 1986
 Вверх по эскалатору. 2010. Б., акв. 42x60
 ЗЫКИНА Анастасия Александровна. 1978
 Пирамида. 2010. Б., офорт, коллаж. 105x80
 ИВАНОВ Виктор Борисович. 1948
 Лукоморье. 2010. Холст, масло. 100x100
 ИВАНОВ Владимир Николаевич. 1961
 Арап Петра Великого. 2010. Х., м. 110x80
 ИВАНОВ Игорь Васильевич. 1934
 Кукла Юля. 2010
 Холст на оргалите, масло. 65x55
 ИВАНОВ Михаил Константинович. 1944
 Модель. 2010. Холст, масло. 50x67
 ИВАНОВА Мария Владимировна. 1988
 Саша. 2010. Б., линогравюра. 20x30
 ИЕВЛЕВА Галина Петровна. 1938
 Портрет А.П.Карпинского. 2010
 Гипс тонир. 42x27x28
 ИКОННИКОВА Анна Моисеевна. 1950
 Близкое-далекое. Далекое-близкое. 2010
 Холст, масло. 40x60
 ИНОЧКИНА Любовь Григорьевна. 1960
 Посвящается животным. 2010
 Холст, масло. 80x120
 ИОНАУСКАС Артур Альгисович. 1967
 Вид с Аничкова моста. 2010. Ойлпринт. 9x12
 ИЩЕНКО Александр Владимирович. 1972
 В Тунисе. 2010. Холст, масло. 109x71
 КАГАНСКИЙ Игорь Борисович. 1929
 Композиция с аркой. 2010. К, коллаж. 60x70
 КАДИНСКИЙ Олег Абрамович. 1954
 Последний трамвай. Цифр. ф/гр, проекц. печать. 20X30
 КАЗАЧЕК Алексей Владимирович. 1977
 Дверь. 2010. Фотография. 69x60
 КАЗИМОВ Станислав Юрьевич. 1979
 Звонки. 2010. Холст, акрил. 100x80
 КАМИНКЕР Дмитрий Давыдович. 1949
 Композиция 1. 2010. Дерево. 230x50x60
 КАНИС Алексей Викторович. 1983
 Венера. 2010. Бронза. 30x10x8
 КАПАЦИНСКИЙ Юрий Владимирович. 1947
 Композиция. 2010. К., смешан. техн. 74 x 92
 КАРЗАН Сергей Николаевич. 1960
 Новая технология. 2010. Холст, масло. 60x80
 КАСЬЯНОВ Сергей Владимирович. 1958
 Птица. 2010. Орг., левкас. 180x54
 КАШИН Павел Артемьевич. 1955
 Дерево. 2010. Холст, масло. 80x60
 КИМ Наталья Витальевна. 1953
 Женщина с ребенком. 2010. К., масло. 62x65
 КИСЕЛЕВ Сергей Евгеньевич. 1968
 Дома. 2010. Холст, масло. 100x70
 КОВАЛЬСКИЙ Сергей Викторович. 1948
 Композиция в цвете музыки. 2010
 Холст, масло. 73x100
 КОВЕНЧУК Георгий Васильевич. 1933
 Бильярд. 2010. Металл, масло. 90x90
 КОВЕНЧУК Жанна Михайловна. 1940
 Коровы. 2010. Металл, масло. 60x80
 КОЗЛЮК Юрий Владимирович. 1965
 Флоксы. 2010. Холст, масло. 80x100
 КОЛОСОВА Ираида Васильевна. 1939
 Зеленое озеро. 2010. Б., акварель. 30x40
 КОМЕЛЬФО Владимир Маркович. 1953
 Воскресение. 2010. Х., темп., м.. 140x110
 КОНДРАТЬЕВ Александр Валентинович. 1950
 Собака. 2010
 Фанера, смешан. техн. 100x100
 КОПЕЙКИН Николай Андреевич. 1966
 Туфли украли. 2010. Х., акрил. 100x210
 КОРОЛЬЧУК Андрей Александрович. 1961
 Китай. 2010. Холст, масло. 60x80
 КРАСИЛЬНИКОВА Татьяна Николаевна. 1938
 Бабушка и гуси. 2010. Х., м. 70x60
 КРАСНАЯ Анна Михайловна. 1984
 Холодильник. 2010. Холст, акрил. 60x30
 КРАСНИКОВА Алиса Леонидовна. 1988
 Это я. 2010. Орг., акрил. 65x55
 КРУГЛОВ Александр Сергеевич. 1952
 Поле. 2010. Холст, масло. 60x40
 КРЮКОВ Игорь Александрович. 1956
 Зима. 2010. К., масло. 38x19
 КУДРЯВЦЕВА Тамара Ивановна. 1954
 Поля Андалузии. 2010. Б., темп. 57x80
 КУЗНЕЦОВА Екатерина Алексеевна. 1970
 Кони. 2010. Б., акв. 50x70
 КУЗНЕЦОВА Надежда Михайловна. 1983
 Прогулка. 2010. Холст, масло. 60x70
 КУЗЬМИН Андрей Николаевич. 1969
 Оредеж зимой. 2010. Х., м. 90x120
 КУЛЬБИН Алексей Георгиевич. 1961
 Церковь. 2010. Холст, масло. 60x80
 КУПРИЯНОВ Виктор Гаврилович. 1945
 Ель. 2010. Холст, масло. 80x60
 КУРЕНКОВА Тамара Александровна. 1950
 Композиция. 2010. Керамика. Н 25
 КУЧЕР Лора. 1968
 Игры разума. 2010. Объект, смешан. техн.
 ЛАВРЕНТЬЕВ Владимир Сергеевич. 1947
 Забытый форт. 2010. Б., акв. 53x75

- ЛАМБЕРТ Арнольд Мартинович. 1927
Ораниенбаум. Дубы у Китайского дворца. 2010
Б., акварель. 36x45
- ЛЕОНТЬЕВА Вероника Юрьевна. 1963
Белая ночь. Красный мост. 2010. К., м. 80x80
- ЛЕОНТЬЕВА Лидия Геннадьевна. 1963
Пармская обитель. 2010
Орг., авт. техн. «Режиле». 68x98
- ЛИНЦБАХ Юлия Евгеньевна. 1959
Портрет Ирины Заславской. 2010
Холст, масло. 70x50
- ЛОЦМАН Александр Николаевич. 1947
В комнате. 2010. Холст, масло. 95x95
- ЛУККА Валерий Николаевич. 1945
Композиция. 2008. Холст, смешан. техн. 60x80
- МАЗУР Виктория Эдуардовна. 1970
Мираж Троицкого собора. 2010
Б., литография. 43x28
- МАНУКЯН Грета Гургеновна. 1950
Воспоминания. 2010. Х., м. 85x80
- МАНУКЯН-БУРОВЦОВ Армен Александрович. 1976
Комната. 2010. Х., м., авт. техн. 75x50
- МАРКУЛЬ Дмитрий Борисович. 1949
У реки. 2010. Холст, масло. 50x60
- МАРТИНСОН Борис Мартинович. 1930
Серенада. 2010. Оргалит, масло. 61x91
- МАРТЫНОВ Виктор Васильевич. 1949
Рыбы. 2010. Керамика. Н 20
- МАРЧЕНКО Вячеслав Петрович. 1952
Преодоление. 2010. Холст, масло. 116x80
- МАСЛОВ Анатолий Алексеевич. 1938
Портрет Ф.М.Достоевского. 2010. Х., м. 50x40
- МЕДВЕДЕВ Юрий Александрович. 1939
Вояж в руины. 2010. Х., м. 65x196
- МЕЖИРОВ Юрий Александрович. 1933
Два праздника. 2010. Холст, масло. 90x100
- МЕЛЬНИКОВ Всеволод Михайлович. 1948
Балерина А.Волочкова. 2010. Дерево
- МЕНДАГАЛИЕВ Гафур Сифатович. 1954
Сон. 2010. Холст, масло. 35x50
- МИРОНОВ Валерий Сергеевич. 1954
Вечер в деревне. 2010. Холст, масло. 90x100
- МИТИН Алексей Константинович. 1965
Новая Голландия. 2010. Х., м. 65x100
- МИФ Роберт. 1966
Февраль на Михайловской. 2010. Х., м. 55x70
- МИХАЙЛОВ Павел Алексеевич. 1979
Стройка. 2010. Холст, масло. 70x50
- МИХАЙЛУЦА Владимир Петрович. 1957
Путешествие в Тунис. 2010. Фотография. 60x90
- МИШИН Андрей Валерьевич. 1964
Ходули-ходунки. 2010. Бронза, литье. 72x22x17,5
- МОЛОДКОВЕЦ Юрий Алексеевич. 1963
Прошлое на кончиках пальцев
(ГЭ, программа занятий со слабоумными детьми)
2010. Фотография. 90x60
- МОНАХОВ Рубен Юрьевич. 1970
Завод «Электросила». 2010. Х., м. 60x90
- МОРОЗОВ Валерий Николаевич. 1953
Черный ящик. 2010. Холст, масло. 60x80
- МОСЕВИЧ Станислав Петрович. 1937
Эстонцы Ян и Эльми. 2010. Х., м. 178x135
- МОСКОВСКАЯ Светлана Витальевна. 1956
Огненный. 2010. Холст, масло. 80x60
- МОТОЛЯНЕЦ Семен Сергеевич. 1982
Ширма «Лебединое озеро». 2010. Фан., см. техн.
- МУЗЫРИНА Ирина Анатольевна. 1972
Сидящая девочка. 2010. К., м. 65x70
- МУСТАФИНА Эльмира Амировна. 1977
Капли дождя. 2010. Б., акв. 50x65
- МЫЛЬНИКОВА Вера Андреевна. 1950
Ковер-самолет. 2010. Холст, масло. 100x120
- МЫЛЬНИКОВА Дарья Всеволодовна. 1974
Поле. 2010. Х., смешан. техн. 60x80
- НАШИВОЧНИКОВ Юрий Алексеевич. 1922
Немногословная архитектура. 2010. Пенобетон
- НЕКРАСОВ Сергей Михайлович. 1964
27-я линия. 2010. Холст, масло. 65x70
- НИЧЕПОРЧУК Алексей Сергеевич. 1976
Сон. 2010. Бронза, литье. 31x17x14
- НОРИНА Зоя Борисовна. 1957
Готовится к печати. 2010. Б., смешан. техн. 60x400
- НУРИМОВА Динара Сабитовна. 1988
Дворик. 2010. Б., темп. 50x60
- ОВЧИННИКОВА Александра Ивановна. 1974
Разговоры под жару. 2010. Х., м. 66x80
- ОГНЕВ Аркадий Георгиевич. 1964
Композиция с сатирами. 2010
Х., смешан. техн. 80x100
- ОРЛОВ Евгений Михайлович. 1952
Крестолоизация. 2010. Объект. К., акрил. 200x300
- ОРЛОВ Илья Сергеевич. 1973
Из серии «Косая линия». 2010
Б., чернила д/бетона, печать. 120x170
- ОСМИЕВ Михаил Асхабович. 1947
Композиция. 2010. Х., м. 95x109
- ОСТАПЧУК Владимир Иванович. 1962
Осенние дожди. 2010. Холст, масло. 101x80
- ПАВЛОВ Валерий Федорович. 1953
Кабинет дождя. 2010. Б., тушь, акв. 61x43
- ПАВЛОВА Лариса Владиславовна. 1973
Спасительный остров. 2010
Спендерлюкс, процарапывание. 50x70
- ПАВЛОВ-ОПУЛЬС Марк Маркович. 1962
Ташкентский дворик. 2010. Орг., м. 30x40
- ПАНКИН Александр Данилович. 1949
Праздник на Владимирской. 2010. Х., м. 84,5x114,5
- ПАНОВА Ольга Владимировна. 1960
Композиция 7. 2010. Х., смешан. техн. 50x50
- ПАНТЕЛЕЕВ Юрий Степанович. 1953
Портрет петербургского поэта. 2010
Фотография. 30x45
- ПАНЮКОВА Лада Ивановна. 1970
Петербургский двор. 2010. Б., темп. 40x60
- ПАРШИКОВ Владимир Петрович. 1937
Городской пейзаж. 2010. Холст, масло. 80x60
- ПЕН Ольга Варленовна. 1958
№9. Из цикла «Римские этюды» 2010. Б., тушь. 60x91
- ПЕНУШКИН Юрий Иванович. 1935
Интерьер. 2010. Холст, масло. 63x73

- ПЕРЕПЕЛИЦЫНА Лиана Александровна. 1987
 Осень. 2010. Холст, масло. 120x70
 ПЕТРОВА-МАСЛАКОВА Марина Всеволодовна. 1962
 Восточный натюрморт. 2010. Х., м. 60x100
 ПИЛЮГИНА Анастасия Ивановна. 1984
 Зима. 2010. Х., м. 90x60
 ПЛЯСУНОВ Всеволод Борисович. 1979
 Старфордширский лабиринт. 2010
 Х., акрил. 120x160
 ПОДОБЕД Александр Рэмович. 1960
 Симфония №4 А.Шнитке. 2010
 Холст, масло. 150x200
 ПОЗИН Александр Владиславович. 1957
 Pro и Contra. 2010. Дерево. 150x70x80
 ПОЗИНА Инна Александровна. 1979
 Пушкин и Гоголь. 2010. Видео
 ПОПОВ Алексей Алексеевич. 1970
 Без названия. 2010. К., м. 40x60
 ПОТАПСКИЙ Стефан Степанович. 1952
 Уборка снега. 2010. Холст, масло. 80x60
 ПРАДЕД Марина Александровна. 1984
 Черноморская флотилия. 2010
 Холст, масло. 90x90
 ПРЕГНЕР Олег Васильевич. 1963
 Валдай. Осень. 2010. Холст, масло. 63x100
 ПРОХОРОВА Вера Алексеевна. 1949
 Вьюга. 2010. Холст, масло. 100x100
 ПРОШКИН Владимир Викторович. 1931
 Цветы в китайской вазе. 2010. Х., м. 81x70
 ПУД Афанасий. 1951
 Подарок ребенку. 2010
 Холст, цифровая печать. 60x55
 РЕЗНИЧЕНКО Николай Григорьевич. 1958
 Сейнер. 2010. Б., шелкография. 50x70
 РЕЦ Александр Николаевич. 1959
 Месяц май. 2010. Гипс, ткань. 75x 100x4
 РОМАНОВ Вячеслав Евдокимович. 1952
 Ясень над прудом. 2010. Х., м. 66x75
 РОМАНОВА Екатерина Вячеславовна. 1983
 Шахматные дома. 2010. Х., м. 100x50
 РОСТОВ Дмитрий Игоревич. 1991
 Парк Монрепо. 2010. Х., м. 30x24
 РОТАНОВ Евгений Никитич. 1940
 Александр Блок. 2010. Гипс. 124x30x30
 РОТАНОВ Никита Евгеньевич. 1966
 Темная комната. 2010. Х., м. 99x134
 РУДЖИЕВА Мария Викторовна. 1985
 Страстный натюрморт. 2010.
 Б., масл. пастель. 50x35
 РУЛЕВ Сергей Николаевич. 1956
 Из серии «Пластилиновый город». 2010
 Цв. фотография. 50x60
 РУМЯНЦЕВ Александр Васильевич. 1951
 Автопортрет. 2010. Холст, масло. 95x80
 САЕНКО Дмитрий Русланович. 1965
 Без названия. 2010. Холст, масло. 140x36
 САЛИКОВ Георгий Тимофеевич. 1943
 Булярица. 2010. Холст, масло. 61x99
 СЕМЁНОВ Андрей Олегович. 1961
 Гранат и чёрный виноград. 2010. Х., м. 70x60
 СЕРГИЕНКО Ирина Евгеньевна. 1958
 Портрет лужи. 2010. Холст, масло. 80x100
 СИБЕРЦЕВ Сергей Иванович. 1934
 Лилии. 2010. Орг., масло. 66x53
 СИЗАСК Людмила Леонардовна. 1948
 Третий внук. 2010. Холст, масло. 40x50
 СИМОНОВСКИЙ Леонид Меерович. 1932
 Сосны. 2010. Б., акварель. 87x61
 СИМОНОВСКИЙ Николай Леонидович. 1958
 Дух. 2010. Фотография. 60x90
 СИМУН Константин Михайлович. 1934
 Россия и все мы. 2010. Дерево, картон. 5x20x7
 СИМУНИ Александр Борисович. 1947
 Таллин. Зима. 2010. Б., масл. пастель. 65x91
 СИРЕНКО Виктор Владимирович. 1954
 Время собирать камни. 2010
 Металл, камень. 250x250x125
 СКЛЯРЕВСКАЯ Инна Робертовна. 1963
 Вечер на бульваре. 2010. Холст, масло. 60x80
 СКОРЛУПКИНА Татьяна Александровна. 1958
 Перфорация Зилджен. 2010. Х., м. 85x45
 СЛАДКОВ Андрей Васильевич. 1944
 Без названия. 2010. Цв. фотография. 20x45
 СЛЕПЫШЕВА Настя. 1971
 Одиночество. 2010. Холст, масло. 70x100
 СМИРНОВ Геннадий Алексеевич. 1957
 Набережная Лейтенанта Шмидта. 2010
 Холст, масло. 65x37
 СМОЛОВИК Алексей Владимирович. 1965
 Восход. 2010. Холст, масло. 60x40
 СМОРГОН Лев Наумович. 1929
 Карельский камень. 2010. Гранит. 180x60x50
 СОКОЛОВА Анастасия Андреевна. 1977
 Осенний сон Бонифация. 2010. Х., м. 80x100
 СОКОЛОВА-ЗАЙЦЕВА Вера Константиновна. 1959
 Натюрморт в квадрате. 2010. Х., м. 70x70
 СОЛОВЬЁВ Владимир Александрович. 1987
 Натюрморт с форелью. 2010. Х., м. 50x60
 СОЛОВЬЁВ Иван Степанович. 1944
 Оркейский хор. 2010. К., коллаж. 100x70
 СОПИНА Ирина Викторовна. 1968
 Чайка. 2010. Холст, масло. 100x110
 СПИВАК Марина Львовна. 1955
 Двойной портрет. 2010
 Мрамор, гранит. 55x40x40
 СТОЛБОВ Александр Сергеевич. 1929
 Натюрморт с купавками. 2010. Х., м. 70x60
 СУВОРОВА Кира Иннокентьевна. 1931
 Тоня. 2010. Дерево. 64x26x31
 СУЗДАЛЬЦЕВ Варфоломей Владимирович. 1951
 «Англетер». 2010. Холст, масло. 40x50
 СУЛЛА Роман Александрович. 1983
 Пустыня 3. 2010. Фотография. 60x80
 СЫПКО Наталия Сергеевна. 1990
 Сом. 2010. Керамика. Н 8
 СЫСОЕВА Лидия Павловна. 1938
 Пасмурный день на озере (Засуха). 2010
 Холст, масло. 40x50
 СЫЧЕВ Николай Викторович. 1948
 Полифония. 2010. Б., карандаш. 70x100

ТАЖИБАЕВ Марат. 1940
Семейный портрет. 2010. Холст, масло. 60x80
ТАРАСЮК Иван Иванович. 1957
В ванной. 2010. Шамот, эмаль, глазури. 48x39x22
ТЕПЛЫЙ Николай Иванович. 1948
Композиция «Весенняя». 2010. Холст, масло. 79x60
ТЕРЕБЕНИН Александр Георгиевич. 1959
Ноктюрн. 2010. UV печать, кровельная жесь. 35x210
ТИТОВ Дмитрий Дмитриевич. 1971
Чудо. 2010. Х., м., смешан. техн. 120x150
ТИХОМИРОВ Виктор Иванович. 1951
Портрет Вячеслава Гайворонского. 2010
Пластик, масло. 43x50
ТКАЧЕВ Дмитрий Николаевич. 1980
Осенняя тишина. 2010. Б., карандаш. 42x29,5
ТРЕГУБЕНКО Мария Сергеевна. 1962
Четверг – рыбный день. 2010. Х., м. 135x140
ТРОФИМОВА Мария Владимировна. 1957
Река Смоленка. 2010. Мрамор. 48x28x22
ТРОЯНОВСКИЙ Вадим Иванович. 1937
Он и Она. 2010. Мрамор. 72x60x50
ТРУБЕЦКАЯ Валерия Ярославовна. 1945
Испанка. 2010. Холст, масло. 98x43
ТУЛИЧЕВА Татьяна Михайловна. 1963
Папоротник. Объекты ботаники. 2010
Холст, масло. 50x70
ТУМИН Марк Ефимович. 1946
Гиперборей. 2010. Холст, масло. 80x60
ТЫЧИНКИНА Ксения Олеговна. 1989
Автопортрет. 2009-2010
Б., линогравюра. 38x28
УСАТЕНКО Сергей Михайлович. 1972
Старая школа. 2010. Х., м. 35x60
УСТЮГОВ Геннадий Афанасьевич. 1937
Пейзаж 2009-10. Холст, масло. 70x100
ФАРРАХОВ Ильдус Назипович. 1944
Двор на Малой Морской. 2010. К., темп. 50x60
ФЕДОРОВА Мария Владимировна. 1978
Натюрморт с чайником и киви. 2010. Х., м. 50x60
ФЕДОРОВА Татьяна Сергеевна. 1952
Дерево целей и задач. 2010. Х., м. 162x114
ФИЛИППОВ Андрей Апресович. 1960
Городской пейзаж. 2010. Х., м. 80x100
ФИЛИППОВ Алексей Деомидович. 1962
Фигура и драпировки №1. 2010. Х., акрил. 150x83
ФИЛИППОВ Валерий Николаевич. 1964
Севастопольская бухта. 2010. Х., м. 60x80
ФЛЕГОНТОВ Дмитрий Юрьевич. 1957
Стол и стул. 2010. Х., м. 100x80
ФЛОРЕНСКАЯ Екатерина Александровна. 1986
Из серии «Японские военно-морские открытки». Крейсер «Тоси». 2010. Х., акрил. 50x70
ФЛОРЕНСКАЯ Ольга Андреевна. 1960
Рабочая пристань «Хетта», Соловки. 2010
Железо, акрил. 46x73
ФЛОРЕНСКИЙ Александр Олегович. 1960
12 маленьких картин про Соловки. 2010
Холст, масло. 36x72
ФРОНТИНСКИЙ Олег Борисович. 1938
Снежное Рождество. 2010. Холст, масло. 75x100

ФУМЕЛЛИ Андрей Константинович. 1950
Лена. 2010. Бронза. Н 28
ХИЛЬКО Геннадий Анатольевич. 1964
GB Matrix. 2010. Холст, масло. 60x80
ЦВИРКУНОВА Светлана Юрьевна. 1968
Женская фигура. 2010. Х., смешан. техн. 150x100
ЦЕХОМСКАЯ Наталия Алексеевна. 1945
Сто лет спустя. 2010
Фотобумага, бромо-серебр. процесс, м. 70x55
ЦЭРУШ Михаил Георгиевич. 1948
Лестница (La Skala). 2008-10. Х., м. 130x80
ЧАПЛЯ Андрей Александрович. 1966
Без названия. 2010
Клеенка, смешан. техн. 150x200
ЧЕМАКИН Иван Александрович. 1986
Урожай. 2010. Тк., акрил. 185x200
ЧИСТЯКОВ Алексей Валентинович. 1962
Полеты во сне. Из проекта «Цифра». 2010
Холст, масло. 90x280
ЧУРИЛОВ Игорь Станиславович. 1959
Над Невой. 2010. К., масл. пастель. 90x110
ЧУРКИН Михаил Сергеевич. 1983
День сменяет ночь. 2010. Фотография. 60x80
ШАГИН Дмитрий Владимирович. 1957
Мой дом. Зима. 2010. Х., м. 80x100
ШАГИНА Татьяна Викторовна. 1958
Падает теплый снег. 2010
Ткань, коллаж. 180x80
ШАПИРО Михаил Александрович. 1947
Ангина. 2010. Холст, масло. 60x60
ШАПОВАЛОВ Борис Евгеньевич. 1952
Фадо. 2010. Холст, масло. 100x120
ШЁЖИНИТЕ Эгле Эугенияус. 1984
Впечатление о Вологде. 2010. Х., м. 90x95
ШИМАНСКИЙ Анатолий Михайлович. 1941
Фантазия. 2010. Орг., смешан. техн. 40x60
ШИНКАРЕВ Владимир Николаевич. 1954
Аничков мост. 2010. Холст, масло. 60x73
ШИРШКОВ Игорь Александрович. 1962
Портрет Анатолия Заславского. 2010
Холст, акрил. 100x120
ШТАПАКОВ Юрий Александрович. 1958
Деревня «Зарабочье». 2010
Железо, строит. эмали. 160x95
ШТЕЙНМАН Анята. 1970
Танец. 2010. Холст, масло. 100x130
ЭВЕРЛИНГ Надежда Альфредовна. 1962
"Стоп!". 2010. Тк., коллаж, набойка. 180x160
ЭРСТЕД Наталья Михайловна. 1983
Курорт. 2010. Б., линогравюра. 30x40
ЯРОШЕВИЧ Ирина Владимировна. 1943
Портрет Андрея. 2010. Гипс. Н 44
ЯРЫГИН Алексей Евгеньевич. 1969
Декабрь. Калуго. Половина пятого. 2010
Х., смешан. техн. 100x80
ЯШКЕ Владимир Евгеньевич. 1948
Толпа под деревьями. 2010. Х., м. 60x50

ТЕАТР ODDDANCE
АЛЕКСАНДР НАЙМУШИН (VJ KIRSAN)

Звук, который мы видим. Танец, который мы слышим.
Изображение, которое мы чувствуем. -
Таково дыхание современного искусства.

В Центральном выставочном зале «Манеж» и в Малом зале ЦВЗ «Манеж» в рамках ежегодной выставки «Петербург-2010» пройдет серия мастер-классов и спектаклей Театра OddDance и финских танцоров совместно с Александром Наймушиным (Vj Kirsan).

Александр Наймушин (Vj Kirsan) - автор московских проектов «Хромодинамика» и «Face to Face», в которых соединяются визуально-акустические искусство, видео, музыка, живопись, поэзия, компьютерная графика и пластика тела. Работа виджея и актера на сцене один на один в режиме live-импровизация.

Театр OddDance – это театр, который в своих спектаклях использует категорию пространства и времени как инструмент творчества. OddDance опирается на философию Буту. Это направление относят к понятию «физический театр». Пространство, замкнутое и запертое в маленьких и малюсеньких театриках, галереях и арт-клубах; пространство, раскинувшееся на скалах, озерах, реках, болотах и лужах, развалинах, урбанистических центрах, стадионах и в концертных залах - среда обитания OddDance.

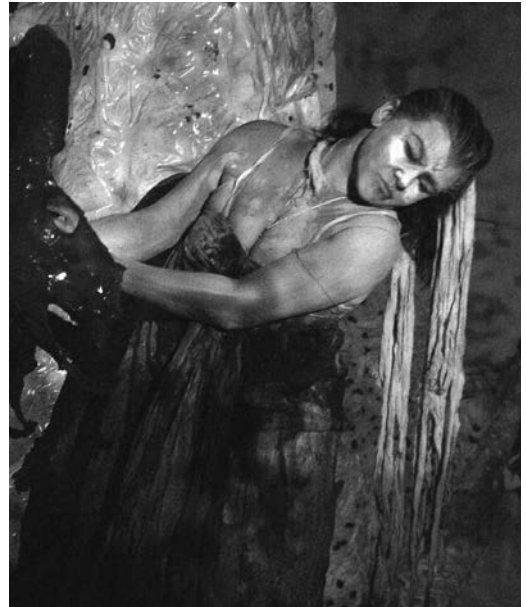
В программе мероприятия:

- мастер-класс по танцу Буту: «Архитектура танца, работа с маской и предметом» (Наталья Жестовская и Григорий Глазунов, Театр OddDance)
- совместный спектакль участников мастер-класса
- выступление Театра OddDance и Susina group (Финляндия)
- видеинг Vj Kirsan (Александр Наймушин)
- музыка 1g0g (Гоша Солнцев, «Шумы России»), Кира Шулаева и Владимир Белов (скрипка и виолончель)

Событие состоится:

Мастер-классы: 11-13 января
Адрес: Наб. канала Грибоедова, 103
Малый зал ЦВЗ «Манеж»

Спектакли и перформансы: 14-16 января
ЦВЗ «Манеж»

“ПРИДУМАЙ ТАНЕЦ!”

Мини-фестиваль детского танцевального перформанса и импровизации в рамках выставки “Петербург-2010”.

На фестивале будут показаны танцы, придуманные детьми, занимающимися в детских студиях импровизации.

Участники:

Студия танца “Модерн-Импровизация”.

Дом детского творчества “На 9-ой линии”

Василеостровского района Санкт-Петербурга.

Художественный руководитель: Марина Русских

Студия танца “Отражение” П/К “Нева”

Приморского района.

Художественный руководитель: Е.П. Гудкова

Студия импровизационного танца “Самоцвет”.

Школа 388 Кировского района.

Художественный руководитель: Шишнева А.П.

АНСАМБЛЬ «МИШКИ-DANCE»

Перформанс-группа «Мишки-Dance» возникла в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л.Штиглица в 2007 году. За три года своего существования коллектив, в котором объединились студенты-искусствоведы, подготовил несколько программ.

ПЕРФОРМАНС «ПО БАРАБАНАМ»

Непрост путь личности в обществе. Любая попытка раскрыться рассматривается как вызов, любое несоответствие общепринятому - как покушение на маленькие мирки филистеров с неписанными правилами и законами.

Людам с узким обывательским кругозором по барабанам трагедии «личностей», вступающих в конфликт с большинством. Немые, слепые - «в мешках»... Беспомощные поодиночке, они объединятся в толпу и не успокоятся, пока не раздавят «личность», само существование которой ставит под вопрос их единство.

Исполнители: : Анастасия Ахметшина, Виктория Горбунова (бонги), Мария Иванова (вокал), Мария Каюк, Ксения Константинова (видео), Тамилла Мордвинова, Диана Сурвилайте, Александра Траугот, Ася Яценко

Руководитель - Сергей Балуюев

ВАЛЕРИЙ МОРОЗОВ.
ГРУППА "ЧЕРНЫЙ ЯЩИК",
точнее - "Черный Ящик шаровидной формы
оранжевого цвета".
Позиционируется как "рок" в бесконечном
расширении.
Конанчук Александр - ситар,
гитара, аранжировка, бэк вокал,
Морозов Валерий - барабаны, акустическая
гитара, вокал, аранжировка, музыка, тексты.
В задачу группы входит продолжение линии
рока 80-90-х или духа такого явления
как "РОССИЯНЕ" с лидером Георгием
Ордановским.

КИРА ШУЛАЕВА

Артистка, вокалистка и скрипачка,
исполняющая собственную музыку.
Лауреат международных академических конкурсов, джазовых и
авангардных фестивалей, в т.ч. фестиваля Jazz-Koktebel 2010.
Работает над системой исполнительских приёмов, позволяю-
щих одновременно исполнять вокальную и скрипичную партии.
Соединяет в своей вокально-инструментальной музыке множество
стилей, такие как фолк, джаз, этно, авангард и др.
Для музыки Киры Шулаевой характерна своеобразная мелодика
с непредсказуемым гармоническим оформлением и свободной
импровизацией. Название первой сольной программы "Bifurca-
tion" ("Раздвоение") родилось из ощущения её исполнения. Часть
программы уже была представлена на разных площадках и
фестивалях городов России".

ЮБИЛЯРЫ

БОРОДИН Станислав Юрьевич. 1950

ВАЙНМАН-СТОЖАРОВА Галина Моисеевна. 1940

ВАСИЛЬЕВ Анатолий Николаевич. 1940

ВИДЕРМАН Владимир Семенович. 1945

ГРИГОРЬЕВ-БАШУН Вадим Борисович. 1960

КАШИН Павел Артемьевич. 1955

КОНДРАТЬЕВ Александр Валентинович. 1950

ЛУККА Валерий Николаевич. 1945

МАРТИНСОН Борис Мартинович. 1930

МИХАЙЛОВ Вячеслав Саввич. 1945

ОЛЕНЕВА-ДЕГТЯРЕВА Муза Викторовна. 1930

ПОДОБЕД Александр Рэмович. 1960

СПИВАК Марина Львовна. 1955

ФИЛИППОВ Андрей Аapresович. 1960

ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ “ПЕТЕРБУРГ-2009”

Анна ЖЕЛУДЬ. Ванная. 2009. Холст, масло

Валерий БЫТКА. Семья. Дерево

Владимир ГАРДЕ. Букет. 2009. Холст, масло

Юлия ГОРБАНЬ. Хармс. “Случай”. 2009. Б., карандаш

Юлия ГОРСКАЯ. Египетский букет. 2009. Холст, масло

Александр ДЕГТЯРЕВ. Уличные типы. 2009. Фарфор, надглазурная роспись

Анатолий ЗАСЛАВСКИЙ. Леня Борисов. 2009. Холст, масло

Михаил ИВАНОВ. Фигура с птицей 3. 2009. Х., смешанная техника

Роберт ЛОТОШ. Впередсмотрящий. 2009. Мрамор

Марина НИКОЛЬСКАЯ. Медведица с медвежонком. 2009. Фарфор, надглазурная роспись

Алексей НИЧЕПОРЧУК. Грация. 2009. Бронза

Илья ОРЛОВ. Огни. Из серии “Пр. Ветеранов”. 2009. Холст, акрил, темпера

Марина СПИВАК, Александр ПОЗИН. Интерьер. 2009. Инсталляция

Кира СУВОРОВА. Мария Ивановна. 2009. Дерево

Юрий ШТАПАКОВ. Интимные письма. 2009. Инсталляция

Юлия ГОРБАНЬ. Хармс. "Случай"
2009. Б., карандаш

Марина НИКОЛЬСКАЯ
Медведица с медвежонком
2009. Фарфор, надглаз. росп.

Кира СУВОРОВА. Мария Ивановна
2009. Дерево

Валерий БЫТКА. Семья. 2009. Дерево

Юлия ГОРСКАЯ. Египетский букет. 2009. Холст, масло

Илья ОРЛОВ. Огни. Из серии "Пр. Ветеранов". 2009. Холст, акрил, темпера

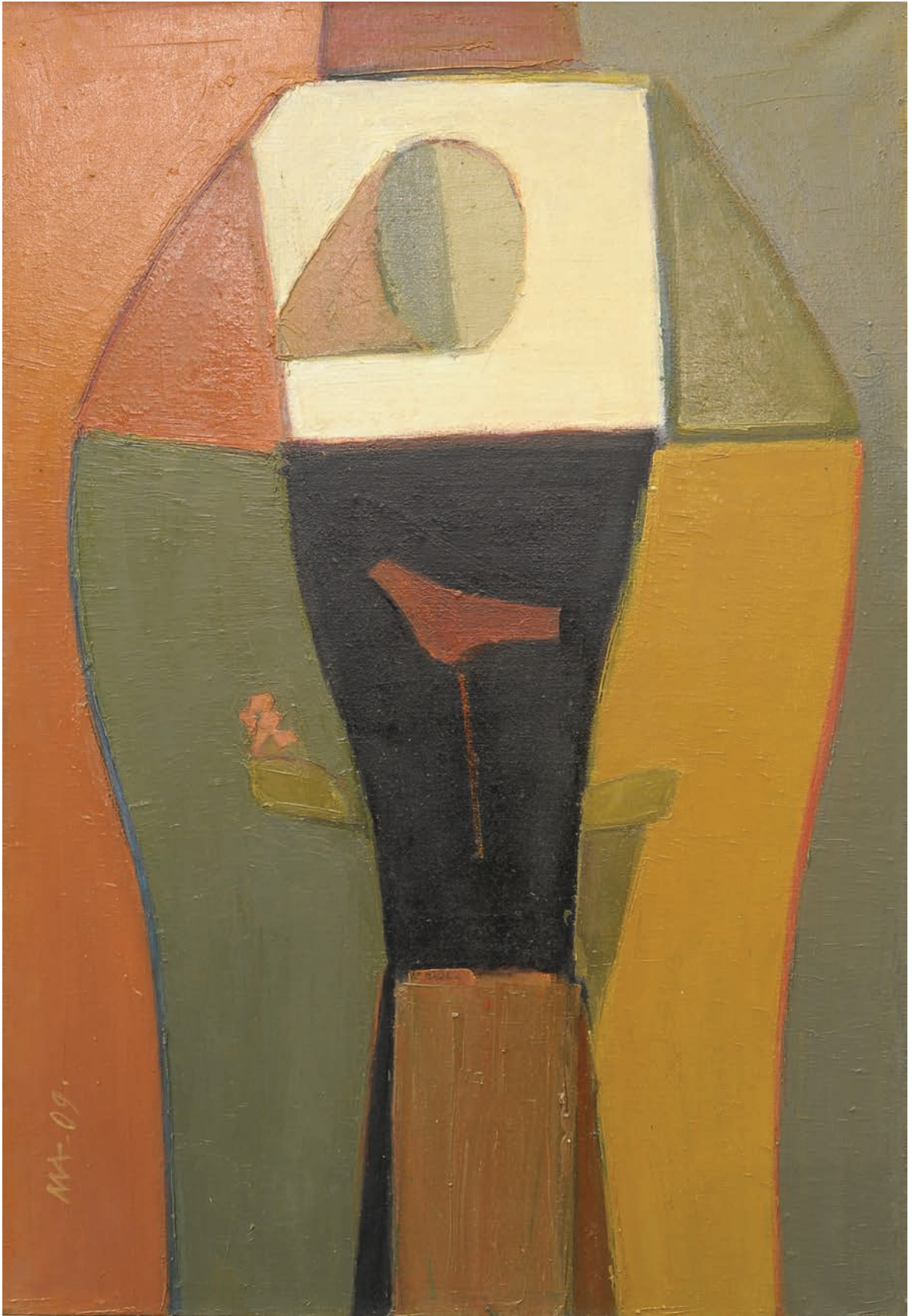
Анна ЖЕЛУДЬ. Ванная. 2009. Холст, масло

Владимир ГАРДЕ. Букет. 2009. Холст, масло

Марина СПИВАК, Александр ПОЗИН. Интерьер. 2009. Инсталляция

Михаил ИВАНОВ. Фигура с птицей 3. 2009. Холст, смешан. техн.

Юрий ШТАПАКОВ. Интимные письма. 2009. Инсталляция

ПУБЛИКАЦИИ
ПРОЗА

Александр Окунь – художник, писатель. Родился в 1949 году в Ленинграде. Закончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой. Участник выставок ленинградских художников-нонконформистов в ДК им. И.И. Газа (1974) и ДК “Невском” (1975). С 1979 живет и работает в Израиле. Профессор Академии художеств “Бецалель” (Иерусалим). Награжден рядом премий и стипендий. Работы представлены во многих музеях России и Израиля.

Мастер виртуозного рисунка, живописец, работающий в технике старых мастеров, А.Окунь изредка создает и талантливые концептуальные проекты, исполненные глубокого смысла. Однако, обладая ярко ироничным складом ума, Саша Окунь весьма скептически относится к ширящемуся потоку псевдоконцептуального искусства, прикрывающего свою пустоту «многозначительными» текстами, перегруженными ссылками и обильным цитированием. Предлагаемая публикация представляет сопроводительный текст к весьма значимому объекту «Дыра в дыре и за дырой». Блистательная ирония А.Окуня большинством компетентных критиков была принята «за чистую монету» как убедительный образец концептуального искусства.

КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РАБОТЕ САШИ ОКУНЯ “ДЫРА, В ДЫРЕ И ЗА ДЫРОЙ”

*“Жизнь не так проста, как кажется,
она гораздо проще”*

Ежи Ленц

Художник Саша Окунь представил на выставке в галерее “Красный Дом” работу под названием “Дыра, в дыре и за дырой”. Работа, которая изображает дыру (и в сущности ею же и является), ставит перед зрителем ряд существенных вопросов. Однако, чтобы ответить на них, следует их сформулировать и прежде всего выяснить, не является ли дыра сама по себе вопросом. Как утверждает Делез, “...прежде, чем выражать смысл в инфинитивной и причастной форме (быть белым снегом, будучи белизной снега) желательнее выразить его в вопросительной форме. Ведь вопросительная форма понятна на основе уже готового решения или решения, которое остается только отыскать; эта форма всего лишь нейтрализованный двойник ответа, которым уже кто-то обладает”. Осознав вышесказанное и всмотревшись в дыру Окуня, мы не можем не признать, что хотя физически дыра является самой достоверной из пустот, в ней, или за ней, что-то есть. Именно поэтому

зритель противится сублимации дыры, и она с неизбежностью берет на себя роль “Другого”, а по Левинасу “Другой” - это не объект, а “чистая дыра в мире”, абсолютная открытость. Левинас считает, что мы переживаем эту открытость зияния как “загадку мира”. Но “загадка” - это не что иное, как совокупность дыры, смотрящего и того самого “что-то”. В свете этого открытия, этого шага, на который зрителю понадобится немало интеллектуального мужества и возможно даже отчаянья (“Мужество, отчаянье и любопытство - вот три крыла человекобога!” Ф.Ницше) мы не можем не признать, что нигде и никогда эта “загадка” не была выражена с такой безупречной точностью, как в произведении Саши Окуня. Вместе с тем, следует отметить, что по своей формальной структуре дыра является простейшей языковой игрой в духе тех, что так пристально рассматривал Витгенштейн в известном диалоге с Полем Кремье. Итак, зададимся вопросом: что такое дыра? Вполне legitimately ждать ответа на этот вопрос от самой дыры, тем паче что в антропоморфном сознании отверстие, как правило, неизменно связано со звуком (рот, анус, нос, репродуктор),

“points de capiton” - область “мифических моментов прорыва между означающим и означаемым (в лакановском, а не в соссоровском понимании)”. Именно в свете этой теории и следует рассматривать работу Окуня, в которой автор движется от имманентности духа к синтетической современности. Очевидно, что в силу своей абсолютной пустоты (зеркало, пусть даже покрашенное, способно лишь отразить пустоту) окуневская дыра содержит в себе практически все аспекты экзистенции как отдельного индивида, так и современного общества в целом. Мы можем выделить философский аспект (вкратце затронутый выше), эротический, в равной степени отражающий гетеросексуальную, гомосексуальную, лесбийскую и полисексуальную культуры (в скобках заметим, что в эротическом смысле дыра есть не что иное, как желание невозможного). В религиозном аспекте дыра является ультимативным выражением бесконечности (Эйн Соф). Стоит обратить внимание на интеллектуальный аспект дыры: дыра как потенциальный гейзер наших умственных упражнений, и в то же время черная дыра, где безвозвратно исчезают наша способность хоть как-то самостоятельно мыслить и элементарный здравый смысл. Дыра намекает на проблемы израильской системы образования и просвещения. И, разумеется, в ней во весь голос заявляет о себе аспект политический, без которого немислим подлинный израильский художник. Окуневская дыра есть дыра в заборе, страстный призыв к снятию блокады с Газы и к бойкоту сионистского государства Израиль, она является ультимативным воплощением

постсионистского пространства. Дыра Окуня есть форма небытия, причем, принимая во внимание зеркало и теорию множественности отражений, небытия разнообразного, ибо в свете своих наблюдений за окружающей действительностью художник утверждает, что различия между некоторыми видами небытия более радикальны, чем отличие небытия от сущего. В каком-то смысле, жизнь человеческого существа (human being)* находит свое адекватное отражение (sic!)** в процессе восприятия зрителем дыры и разглядывания себя в зеркало, покрашенное белой краской.

В заключение следует отметить, что дыра Окуня, являясь произведением искусства, своим существованием отменяет его как таковое. Она есть не что иное, как ультимативная икона постмодернизма, сакральное выражение его глубинной сущности и в качестве таковой приходит на смену безнадежно устаревшему символу авангарда и модернизма, малевичскому “Черному квадрату”. Примитивная, агрессивная угловатость, сменяется мягкой округлостью, благозвучностью и готовностью принять и поглотить все и всех. Детерминированность, историчность, идеология сменяются свободой абсолютной внутренней пустоты, своего рода бесконечным ночным полетом в пространстве небытия. Вместе с тем зеркало, даже покрашенное, остается зеркалом, дыра остается дырой, а роза розой, поскольку, как утверждает Теренс Маккенна, стартовая точка антропогенеза необъяснима без подобных искусственных экстазов.

Анри Бергсон Джуниор

*англ.

**лат.

Александр СИМУНИ СВОБОДА!

Сию историю я рассказываю каждый год, принимая на обучение живописи очередную группу семнадцатилетних отроков и отроковиц. Дабы взбодрить их талант и рвение в покорении вершин искусства. А заодно поднять и общий жизненный тонус.

История эта – была.

...Наша воинская часть, расположенная на берегах Невы, у Смольного, называлась 208 ОСРСВГ; остальное – военная тайна.

Со мной служил известный ныне спортивный комментатор Геннадий Орлов, такой же «одногодичник»: до армии он окончил журфак. Имелся также отряд футболистов, довольно высокого класса, включая даже зенитовцев, пусть и не первого ряда. Командир части, большой любитель этой игры, серьезно отдавался увлечению.

Члены созданной им футбольной команды как сыр в масле катались. В казарме они лишь ночевали и питались (гораздо лучшими продуктами!). В наряды мастеров кожаного мяча ставить запрещалось. Днем «футболеры», как мы их называли, отправлялись с гражданским тренером на стадион. А коль побеждали в том или ином матче, щедро награждались увольнениями.

И вот, в один прекрасный день, за неделю до демобилизации, футболистов вызвал командир части и выступил с краткой, но весьма убедительной речью.

«Ребята!» - сказал капитан Соколов. «Через три дня у вас игра. Выиграете, - пойдете домой в первый день, проиграете - в последний, то есть через два месяца. Свободны».

...Служившим в армии не надо объяснять, как долго тянется каждый день, не говоря уже о шестидесяти, когда уже есть приказ об увольнении, и ты зачеркиваешь почти последнюю клеточку в своем самодельном календарике...

«И был вечер, и было утро».

Противником на сей раз оказалась гражданская команда примерно равной силы: иногда наши побеждали ее, порой проигрывали.

Но эта схватка не вписывалась в привычные рамки. Защитникам Родины предстояло сражаться в буквальном смысле за свободу. А гражданской команде светила лишь пачка дензнаков...

В футбольной терминологии звучат такие слова как нападающий, защитник, проход по левому краю, пас и т.п. В первую же секунду встречи, о которой идет речь, все это рухнуло.

Армейская команда в полном составе, чуть ли не с вратарем вместе, кинулась с огромной скоростью к неприятельскому игроку, изготовившемуся к некоей комбинации. Его, промахиваясь по мячу, били ногами, бодали головой в живот, лупили лбами по затылку...

Как только мяч отлетел к другому представителю противника, озверевшая толпа кинулась на него.

Судья, конечно, мог свистеть, лепетал что-то о нарушении правил, вытаскивал какие-то карточки, но все было тщетно.

«Гражданские» были уничтожены, раздавлены, деморализованы. Здоровье и самая жизнь, рассудили они, - дороже денег. Игрок, к которому случайно попадал мяч, не помышляя ни о каких пасах, изо всех сил пинал его ногой, отправляя в аут, в небо, в свои ворота, - лишь бы не привлечь к себе эту банду убийц!..

...Счет был совершенно небывалым для футбола, едва ли не 15:0. Однополчане мои не хуже других показали, на что способны люди, бьющиеся за свою свободу!

Капитан Соколов сдержал слово. И даже более того. До дембеля оставалось четыре дня. Капитан вызвал из дома старшину роты (был уже вечер) и приказал оформить победителям четырехдневный отпуск. Первого ноября они вернулись в часть и в тот же день были демобилизованы.

...В доме на Шпалерной, где на меня, после Мухинки, надели военную форму, уже нет казармы. Вход в часть перестроен - замурован. Немного грустно, что нельзя придти сюда за воспоминаниями. Последние, впрочем, все равно остаются в памяти; жесткие картины армейских будней невытравимы. Как, скажем, только что рассказанная история.

Связывать ее с реалиями сегодняшнего дня, занимаясь так или иначе морализаторством, не хочется.

Жизнь жизнью, искусство искусством, мысли мыслями. Каждый волен в своем восприятии и выводах.

Это все.

ПРИЗРАК

Меня перестали узнавать. Я не помню, когда это началось. Быть может, когда я уволился с работы, и бывшие сослуживцы поторопились вычеркнуть меня из памяти? Или когда, уединившись на своей мансарде в надежде сделать что-нибудь путное, я потерял связи с наскучившей богемной компанией? Впрочем, кажется, еще раньше, задолго до этого, меня равнодушно перестала замечать жена, а вскоре после развода я стерся и в памяти сыновей. К этому времени меня уже не узнавал отец, впрочем, вообще переставший кого-либо узнавать в свой последний год. Затем мой образ постепенно растаял в сознании соседей по подъезду, дворника и водопроводчика, не мог более удерживаться в голове кассирши ближайшего магазина, с которой здоровался ежедневно, и в головах моих бывших студентов, уклонявшихся теперь от попыток с ними заговорить. Разумеется, он был с легкостью вычеркнут из памяти нескольких должников и навсегда улетучился из сознания вечно разочарованных просителей. На ближайшей детской площадке малыши и юные мамы не откликнулись теперь на мое привычное шутовство. В мобильных телефонах перестал высвечиваться мой номер, а прежние друзья предпочитали дать отбой в ответ на уже незнакомый им голос.

Сейчас я привычно пытаюсь взять чашку с кофе, но рука бездейственно проходит сквозь нее: чашка не узнает своего старого владельца.

А ты, любимая, на кого теперь смотришь так пристально сквозь меня?

ВСТРЕЧА

Однажды я встретил на улице человека, очень похожего на Витьку Курдюмова – моего приятеля, с которым когда-то вместе работали. Очень похожего? – Нет, не то слово, это просто как будто бы и был именно он самый, Витька Курдюмов! То же вечно улыбающееся лицо, та же гордая посадка головы, та же крепкая фигура, та же непередаваемая, чуть-чуть подпрыгивающая походка. Я обрадовался было и как-то внутренне бросился к нему навстречу – давно хотелось у него, наконец, кое-что выпросить. Да вот именно, что только внутренне бросился, а на самом деле даже почти и не пошевелился. Почему? Да потому что сходства этого самого хватило лишь на кратчайшее мгновение – словно вспышка какая-то в голове мелькнула. Прохожий идет себе спокойно мне навстречу, приближается довольно быстро, а вспышка-то и растаяла уже – прежнее сходство почти совсем исчезло, улетучилось, как дым. Как будто кто-то плюнул на уголек. Но уголек плевком не загасишь, он обычно продолжает кое-как тлеть. Так вот и думаю: ну, не Витька, мол, ладно, – ну не совсем Витька, – но ведь почти что Витька! «Простите, я, конечно, понимаю, что вы не Витька Курдюмов, но вы так на него похожи, что я решился у вас спросить: отчего Витька-то умер?»

Александр СКИДАН
 ОБРАТНАЯ ВЕРСИЯ
 Кириллу Шувалову

Я бы рискнул все-таки назвать это скульптурой. В том смысле, что единственное число – по сути единственное, что еще способно придать цельность апофеозу частиц. Возможно, только видимость цельности, но о видимости – и ее пределах – и идет речь. В отличие от множественного («скульптуры»), каковое здесь очевидно не требует преломленного в слове доказательства. Например. Я не представляю себе, как эти осколочные задымленные частицы, будучи, с другой стороны, своего рода сыпью, выступившей на теле нашего (бессознательного) представления о скульптуре, о том, какой она «должна быть», собираются преломлять свет в помещении галереи, месте, которому по-прежнему надлежит вмещать искусство как ни в чем не бывало, как будто оно ровным счетом не затронуто тем, что сотрясает художника. Преломляют ли они свет вообще? Их стусленность словно бы говорит о том, что если и преломляют, то тот, который приближается к нам со скоростью тьмы. В чем прелесть их ублюдочных форм? Сказать, что искусство в них умалывается – вплоть до ничтожествования, ничтожествования, какое влачат на умозрительных помойках ума целлофановые обертки, целый бомжатник целлофановых оберток из-под оприходованных сигаретных пачек у тебя на столе, - значит ничего не сказать. Потому что искусство, ты скажешь, умалывается вот уже энное количество лет, оно становится мальчик-с-пальчик, доходяга, проходящий, втянув спичечную головку в хливкие плечики, в пещеру Ласко, в верблюжье ушко, в царствие небесное вечных форм. Иногда я сплю и вижу, как лежу культурным пластом: бок о бок с завшивленным стариком, который живет у меня на лестнице, промышляя картонными коробками, благо продуктовый магазин здесь же. В петлице того, что некогда называлось пальто, цветет харкотина, он денди, он знаком с мусорным ветром, его принимают в салоне вторсырья на бывшей Гороховой в специально отведенные для этого дневные часы. Отгадай, зачем я это пишу? Допустим. Или представим себе, что первовзрыв был, что атомная бомба и впрямь взорвалась в поэме Парменида, как утверждает один сумасшедший немец, большой поклонник античности, хотя, я знаю, это с трудом умещается в голове. И тогда то, что мы в простоте душевной принимаем за то да се, за цикл там чего-то такого, есть лишь настаивающий нас период полураспада, ударная волна, которую мы принимаем на грудь. И – счастливы, потому что это, оказывается, почти не больно.

Александр СКОБКИН
 ОДНОПРЕДЛОЖЕНИЕ

В комнате хоть глаз выколи - сплошная всепоглощающая тьма, в которой я растворяюсь, исчезая, не находя в себе силы признаться, что мое пребывание в данном месте и в данное время совершенно нелогично, неправильно, пускай я и знаю цель моего блуждания в этой наскоро вылепленной из сухого пространства комнатке, пускай я чувствую ее прерывистое дыхание, которое одновременно придает мне силы для очередных тщетных поисков и подкашивает мне ноги, заставляя ползти на коленях, ползти теперь уже во вполне реальный бар, где мне наливают отличный виски, который я пью после очередных безрезультатных поисков в кромешной темноте воспоминаний, не закусывая и непременно сидя за барной стойкой, так как в этом случае мне куда легче сформировать для себя самого, а возможно и для окружающих, стереотипный образ трагического героя, которого не зазорно жалеть и которому выписана индульгенция на паскудные попытки возвращения в навсегда утерянное "вчера", да и голоса людей, перемешанные в густой коктейль непотребного вкуса, позволяют надеяться, что когда я слишком углублюсь в темноту, меня окриknут, и настанет долгожданный новый день.

Александр ЭСОНО
 ЧУЖЕРОДНЫЙ СОН

Я шёл по узкой городской улице. Слева тянулись пыльные окна жилого дома, справа возвышалось жёлтое здание какого-то учреждения. Уже был виден угол этой постройки, вправо уходила аллея. Ах, если бы я свернул направо! – я прошёл бы под кронами деревьев и узнал бы, что уже осень, и жёлтые листья начали падать. Но я двинулся прямо: до самого перекрёстка, обошёл зелёный мусорный бак, упёрся в стеклянную дверь и толкнул створку. В вестибюле никого не было, кроме неё. Она мыла пол, рядом стояло ведро, тряпка скользила по светлым плитам пола. Я огляделся на всякий случай, а она даже не подняла глаз ко мне, нагнулась над ведром, и в этот момент я слегка шлёпнул её по ягодицам. Она резко выпрямилась и уставилась на меня.

- Да ладно тебе, выходи за меня замуж.

Последние слова я сказал как-то обычно и привычно, потому что слишком часто говорил ей их.

- Отстань. – Сказала она и пошла мыть пол в другом углу.

И так каждый раз. Она - уборщица, я тоже не богат, она не молода, и я тоже. Зачем обижать того, кто реалистически поразмыслил, да ещё и любит её?

Я постоял ещё немного, посмотрел на неё. Появилась её начальница, я поздоровался, и так как собирался уходить, быстро показал им спину. На пороге я замедлил шаг, чтобы решить, куда идти дальше, но дверь не закрылась полностью, и через щель я слышал, что там говорят. Начальница говорила, что я снова припёрся, и как я осточертел всем и вся.

Она, моя милая, сказала, что, может, ей стоить выйти за меня. Но начальница в том же пренебрежительном тоне заявила, что лучше добиваться другого - работает у них один, - а то придётся жить с этим деревом.

Слёзы и злость скапливались во мне. Наконец, я шагнул с порога, перешёл улицу и направился в никуда по аллее, где от жёлтых листьев было противно под ногами. Я чувствовал, что уже немолод, что уже осень, что уже вторая половина дня, что уже обида сильнее любви, что обида уже не оскорбление по ходу дела, а злость до конца.

Зазвенел мой телефон в кармане, мелодия становилась всё громче, а люди вокруг вдруг стали подпевать, танцевать. Вся улица уже двигалась, им было весело, и они хотели утешить меня. "Опять я попал в мюзикл", - подумал я и проснулся.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Валерий МИШИН

* * *

когда правда
очень просто
подлежащее
сказуемое
плюс
второстепенные члены
предложения
между ними
знаки препинания
можно без знаков
когда ложь
также просто
подлежащее
сказуемое
второстепенные члены
предложения
второстепенных членов может
быть больше
знаки препинания
не обязательны

правда
почти не отличается
от лжи
потому что изложена
тем же способом
их чаще распознают
по взгляду
жесту
или интонации

каково
быть глухим
и незрячим

Тамара БУКОВСКАЯ
С.Д.

несчастные и нищие и злые
метрошные трамвайнопоездные
квартиросъемные бездомноугловые
мешочноклетчатые сумконабивные
притравленные властью но живые
наследники крестца хребтины выи
империи владычицы россии
авосятся и тычутся ей в вымя
она ж с оттяжкой их
в пах в дышло и в темя
живи и помни имя время семя

Елена ЕЛАГИНА

* * *

Балкон, заваленный трухой,
Остатков быта требухой -
Тазы и колченогий стул
Напрасно помнят о варенье.
Здесь голубь холит оперенье,
А лист засохший ветер сдул.

Балкон, как склеп, хранит бывшее,
То, что нещадно время злое
Свести старается на нет:
Смешной антенны допотопной
Ржавеет ящичек пехотный,
Не ведающий про рунет.

Велосипедные останки,
В лохмотьях паутины банки
И в пыль иссохшая земля
В разбитых ящиках цветочных,
Давно лишенных вод проточных,
И - том обгрызанный Золя.

А также – рама от картины,
Ошейник жившей в доме псины,
Петля мышинной западни,
Совок для памятных посадок...
Кому-то быт был этот сладок,
А нынче – Боже сохрани!

Давно истлевшая эпоха,
Где было и не то чтоб плохо,
Но душновато, может быть...
Теперь с удавкой свободы
Живут счастливые народы,
Приняв, как весть, лукавства пруть.

Квартиры их в евроремонте
Смешно им всё «Из Пиндеманти»,
Обломов – лузер, Вертер – лох.
Жизнь однозначна, как купюра,
Цена на всё – губа не дура!
А мир – удобен и не плох!

Олег ФРОНТИНСКИЙ

* * *

Бессмысленно родившись
Увянуть не женившись
И просто, без затей
Не нарожав детей
Бессмысленно писать стихи
В которых лишь ха-ха, хи-хи
Бессмысленно печальным быть
Когда душа поет.
Бессмысленно назад идти
Когда идешь вперед.

Дарья СУХОВЕЙ
Из цикла «ПОБЫВАЛИ ПЕРЕПИСЧИКИ»

возьми случайные и пропусти слова,
перепусти вопросом на вопрос.
запиши сумки и туфли, ката,
рубашку, сушашуюся на верёвке,
осень за стеклопакетами, первый снег,
шедший большую часть дня,
но город настолько нагрелся за лето,
что асфальт так и остался мокрым и тёмным,
припаркованные во дворе иномарки,
пыль на книжной полке, сор на полу,
беспорядок на письменном столе,
психоз навязчивых состояний,
лёгкую влюблённость, чувство неопределённости,
сомнения в жизненном выборе, закипающий
чайник на кухне,
что-нибудь из европейской поэзии
и латиноамериканской музыки,
стопку отглаженных носовых платков
на краю гладильной доски,
диск, торчащий из плеера в телевизоре.

да, запиши всё это.
а если забудешь
останется только

дом и работа
как содом и гоморра.

Ольга ЛОГОШ
СВЯТКИ
Дмитрию Чернышеву

Снег —
вверх поднявшийся
хлеб
весь в дырочках
из теста косога замеса

Верба по уши снежна

Варежку вечера
вяжет
ждет
Кто с тобой?

Улыбается про себя

Пётр КАЗАРНОВСКИЙ
* * *

А нам всё равно
Б нам всё равно
В нам всё равно
(пропоём весь алфавит
и заменим все буквицы
на
и пустим обратно)
Допустима помена
на
Мельпомену
::: подмена цветущего дерева
кактусом суток
куском и мускатом
не матом
не том и не тем
и не там.
А там всем равно
как и Б, В —
радужные куклятся пыквы:
не буквы, не битвы, не б..вы
текутся лакно клёзны
гремя захор...
Вздор!!!
Парабола боли излома
ядрит оскураженно ток
чтоб тёк
безболезненно гомон
а локосы нежно берёт
челоак
челобек
челогек
челочук
.....
Слабы мы —
смысла бы

Александр ЦАРОВЦЕВ
МРАЧНО-БРАЧНО-АЛКОГОЛЬНОЕ

Пила и пилила пила и пилила
Вспылила в пыли и в опилках вопила
Спалила до пепла и в пекле вертела
На вертеле перепела перепела...
По капле копилось и перекипело

Арсен МИРЗАЕВ
ГРИГОРЬЕВ ДИМА

Он стал теперь
как лесоруб,
большие жуки летят с его губ.
Он уже не плачет над стихами,
которые как мыши по углам.

У него
пасть красна,
небо в глазах
и в сердце – весна.

У Григорьева Димы
глаза из дыма.
Он живет в Гималаях,
он пишет сны.
Голова у него – из сосны.

Он хрупок, как дуб,
как собака Петра,
Саломея – его сестра.

В стихах у него
танцуют
Шива, Христос и Будда.
А Дима
сидит на горе
и жив
как-будто...

Давно
обмелели реки
и высохли ручейки,
а он все зачарован
движеньем своей руки...

Он глядит на нее с восторгом
который год
и верит, что он – Григорьев.
И смерть за ним
не придет!..

Владимир БЕСПАЛЬКО
* * *

Путём зерна - идёт зерно.
Путь муравья – ему лишь ведом.
Я мысленно за ними следом
Пройдусь и удивлюсь при этом,
Что путь зерна – сквозь смерть стать колосом,
А муравьи живым колёсиком
Вращают будни муравейника:
То сор метут, то вяжут веники,
Великих замыслов затейники.
Мерцает жизнь под тёмной кожей...
Их путь – общиной жить и множиться.
Мой путь – в грехах. Их осознание
Дарует крохотное знание,
Что свет звезды, пройдя сквозь тьму,
Остался светом. Ну и ну!

Дмитрий ЧЕРНЫШЕВ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МОСКВЫ. 7
Даше Суховой

...копфцангель — загадочное железнодорожное слово
из полузабытого романа, то ли «Между собакой и волком», то
ли из «Машеньки».
Состав тормозит, на какое-то мгновение вагоны сдвигаются,
копфцангели звякают, лязг, скрежет, лёгкий запах гари...
Стоп. Приехали!

Ты спускаешься на перрон, бледная после бессонной ночи,
растрёпанная, лицо — одни глаза.
Озираешься.

Нет, слава Богу, никто не встречает, меня рядом нет.
Только в замёрзшей луже моё отражение,
да полуразмытая тень осталась на вокзальной стене.
Вздых облегчения.

И тут ветер с залива целует тебя, как дуновение боли.
Внезапно всё вокруг теряет резкость, очертания
расплываются,
отблески, блики, рефлексии.
Ой! ...прошло.

Ты взваливаешь на плечо свой неподъёмный багаж.

Стоп. Снято!
(это из позапрошлого века, Люмьер — Люмьеру)

Нет! Всё не тогда и не так.
Я обязательно должен быть в этом кадре.
Ещё один дубль
«Прибытие поезда»

Светлана КОЛОКОЛЬЦЕВА

* * *

А.К.

Мне б заглянуть за корочку небес,
За грань, за край, туда, в волшебный лес,
Где бродят первоназванные звери.

Там лунный луч струится серебром,
Там мы с тобой поговорим о том,
Что в сторону одну открыты двери.

Наверное, там снег лежит всегда.
Там подо льдом хрустальная вода
О камни бьется. Только снег не тает.

Там прошлогодняя в проталинах трава...
С твоих картин усталая сова
В безмолвный мир безмолвно улетает.

Лариса СОБОЛЕНКО

* * *

В полночной тишине так чувства гулки,
Светло и странно, даже снег с дождем
С небес, как манна. В мокром переулке,
Продрогнув, мы чудес от жизни ждем.

Круженье наугад почти сакрально
Для города, где явь на грани сна,
Где нить, утратив в понятом буквально,
Вновь обретёшь, нырнув в полутона.

Где вряд ли выживешь, не веря в чудо;
Он только притворяется, что наш -
Плывущий в никуда из ниоткуда -
Не город, а томительный мираж.

Святой как ангел, вместе с тем безбожный,
Глумливый, хитрый, пьяный, озорной -
Печальный демон - для него, возможно,
Зазора нет меж правдой и игрой.

Смеющийся над нами – нет, ошибка -
Надменный, строгий – через миг не так.
Изгиб Невы не смех – полуулыбка,
И Заячий - не остров – тайный знак,

Где ровно в полдень, время рассекая
На «до» и «после», жёстко, как Прокруст,
Палят из пушки – это запятая,
Жди продолженья, коли град не пуст.

Загадка-город, город-отражение,
Когда глядишь в него, как в лик судьбы,
Он дарит свой особый угол зренья.
Ах, если б так всегда, ах, если бы...

Юлия БЕЛОМЛИНСКАЯ

Из поэмы « Ленинградская школа»

ОСЕДЛЫЕ ЖАЛОБЫ

Алексею Хвостенко

Пью уксус
Ем чеснок
Да все без толку
Заложена вся грудь... именье... тульский пай
Еще осталось заложить двуколку
Собрать мой серый сак...
Теперь, Степан, ступай

Ступай, Степан, ступай
А ты, Никифор, трогай
Рванем по карте вниз
Не ведая куда
Прискучила любовь
Так станем жить дорогой
И сладка ягода нам выйдет – Кулунда

.....

Но Боже, как дурны российские дороги
Их рытвины стучат об рытвины души
А женщины у нас – скупы и недотроги
Но Боже, до чего ж, голубки, хороши.

С того-то и сидим ...
И лишь уезд соседний
Мечтается для нас и Меккой и Москвой...
Заложена вся грудь
и в первый снег осенний
ступает мой заклад
в опушке меховой

Ступает нехотЯ
КрутИтся, словно лодка
Твой зимний башмачок, что плесенью пропах
Прости меня, дитя
Я – дома.
Чаю, водки!
И чесноку на грудь
И луковицу в пах.

А к полночи - на льду
ведро тщеты и тлена
Опять в крови платок, и слезы без стыда
Я все-таки пойду...
Прощай, моя Вербена...
А там-то, говорят, дороги хоть куда.

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ
ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ УХОДИТ ОТ ЕССЕЕВ

Хватит об Армагеддоне,
и о том, что лишь вы уцелеете
В день прихода Мессии...
Хватит уже... ухажу.

Буду спасать свой народ
погружением в воду, в поток
Иордана живого, и до самого дна
духоносного.
Смоет он все грехи,
обновится народ, весь почти,
К дню прихода Мессии.

Что? Погибну? Возможно...
Но только на этом пути,
А не в битве грядущей,
той, для которой мечи
Вы давно уже точите

Елена ЗАВЕЛЬСКАЯ
ЧИТАЯ ПАВИЧА

Рисунки чаем, кровью, молоком,
Росой, слезой, дождем, слюною даже,
Как будто нарисованные сажей,
В душе своей, как в тубусе, несем.

И Агнец, пьющий жертвенный нектар,
И душегуб с ружьем, ножом, удавкой,
Наколоты, как бабочка, булавкой,
На этот лист невидимый, как пар.

В рисунке этом надо отыскать
Свой запах, сердце, пот, желудок, почки,
Побеги, корни, ветви, почки...
Дитя, отца, супруга, деда, мать.

Себя одушевить, осуществить,
Собрать по атомам, молекулам и клеткам
Дано не многим – с Чьей-то тайной меткой,
Чуть прежде, чем придут тела обмыть.

Поднявший меч не слышит тишины,
Поджегший дом чужой не видит света,
Но каждый оплатил уже билеты
Туда, где все мы будем прощены...

Ася ШНЕЙДЕРМАН
ЕГИПЕТСКОЕ

Между любовью и ненавистью,
любовью и нежностью, нервностью,
жалостью, жадностью и любовью,
любовью и страхом, страстью,
страданием и любовью,
любовью и ревностью, резкостью,
любовью и подозрением,
прозрением, презрением, трезвостью,
любовью и раздражением,
отторжением и любовью,
любовью и отвращением,
любовью и всепрощением,
любовью и милосердием,
бессердечием, безрассудством, безразличием,
безмятежностью,

безутешностью...
на одной струне балансирую,
из самого сердца выпущенной:
другие - оборваны,
свисают, земли касаясь.
Льда глыбы
срываются с неба.
Ни звезды,
ни электричества.
Все покровы, покрытия города
изъязвлены:
не узнать и на ощупь.
Над телом его испаряющимся,
изодранным, изуродованным;
каналами, реками крови;
пирамидами льда, снега
виадук свой гудящий невидимый
туго-натуго натягиваю -
полит потом,
плоть от плоти,
путь путей -
в крошечную тьму вонзаясь,
меня - из меня
выводит
выход опасный единственный:
от мансарды моей коломенской
где-то рядом с мостом Египетским -
мимо сфинксов -
вдоль невской набережной -
к несуразно приросшему к дому
эркеру угловому
над перекрёстком петроградским:
не раз
в направленьях разных
я шла,
к тебе направляясь,
между любовью и болью,
любовью и нелюбовью,
любовью и небылью, -
направляясь любовью. -

Только любовью, Господи, слышишь.

Дмитрий ГРИГОРЬЕВ
МУСОРНАЯ МАШИНА

Мусорная машина идёт по поселку,
к нам ей не добраться:
деревья закрыли ветками все подъезды
мусорная машина, полная
умерших вещей,
проезжает мимо.

Она останавливается на углу двух улиц,
и, пока водитель курит,
дымом сигареты отбивая запах
пищевых отходов,
переваривает мусор в железном кузове.

Потом она дальше едет,
и встречный ветер
выдувает души вещей:
они садятся на лобовые стекла
идуших сзади автомобилей,
болтают ногами,
и водители включают дворники
даже при ясной погоде.

Мусорная машина едет медленно,
но обогнать её невозможно —
слишком узкие дороги
в нашем поселке.

Юрий КАСЬЯНИК
ЭКСПРОМТ ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Ну как же без воздуха, запахов, вздохов...
А значит - без жизни, без ахов и охов,
И без поцелуев, таящих цунами,
И даже - без гадостей, сделанных нами...

Без глаз и души, без деревьев и моря...
Без воздуха не было б горького горя,
Любви и страданья, и крика младенца,
И чистого утреннего полотенца...

Мне хочется ветром с тобой поделиться,
Чтоб снова на этой земле нам родиться
И снова любить, наслаждаться и драться...
И жить!..

...Я дышу!

Не могу надышаться!..

Жанна СИЗОВА
ПО АХТЕРНБРУШУ
«Олимпийская чемпионка» (реж. Ахтернбруш)

Спасая семью, она превысила скорость.
Авто с разбегу вкатился в болото.
Её тошнило и подступала рвота.

Она сидела в машине. Смотрела, как он,
выброшенный в трясины,
барахтается в серо-зеленой тине,
пытается найти свой ботинок.

Скользкий суглинок – остаток семейной жизни,
слепок любви, прилепился к пуговице на рукаве.

Вдове своей – той, что сидит на первом сиденье,
сейчас он крикнет: “эй, ты, пренье закончилось.
Девять лет я ездил с тобою по этой дороге,
дни и ночи – всякий раз уговаривая тебя ехать
короче.

А теперь сажу в этой стылой вонючей хляби.
На поверхности – жареный лук, в междурядье –
собачья шерсть и все, что не тонет...

кто здесь стонет?... ты?... Опять начинаешь?
куда ты пошла?»... Она уходит.

Она уходит в полосатой пижаме.
На ее голове неряшливо выбрит крест.

Мест нет для других персонажей:
ребеночка они так и не нажили, не наспали, не
наговорили.

Впрочем, нет, он кричит ей вдогонку: « Ты не Она.
Она – олимпийская чемпионка.
Муза империи. У нее сын Герберт.
Однажды его драповый пес упал за батарею в
трамвае.
Себорею у кондуктора она вызвала, заставив его
отвинтить батарею,
и достать игрушку...
а у тебя засохшая муха в кружке....
А она... она умеет стоять на голове.
а ты? ... так долго и много, а не...»

Ветер принёс дождевую каплю.
Ветер унёс остатки дождя,
Продул полосатость пижамы – вовнутрь извне.
Она ничего... не умела... не.

Дмитрий ТЁТКИН
Ю.М.

На расстояньи вытянутых рук
От Господа (которого нет, кстати,
на месте вечно), жизни, прочих мук -
в оборванном блокноте у кровати

Прочти меня до глубины любви,
До детства скорби, запятой, кавычки,
Комарика ли в девственной крови,
До сломанной в руке промокшей спички.

Когда шёл дождь или двадцатый век -
И около подъезда мы блуждали.
Цыганка пела, матерился зэк,
И ветеран распродал медали.

С блатными номерами джип мигал
Открытый, словно резаная рана.
Рабочий люд работал и бухал,
Трамваи дребезжали неустанно.

Профессор плохо знал, что говорить,
Зато студенты говорили дело...
Пусть паутинкой с прошлым рвётся нить.
Пусть всё прошло, но, нет, не отболело.

Пять снов опять подряд в чужом плаще,
Бреду, смеясь, рыдая и подмышкой
С книжкой стихов, задумавшись вообще
О жизни, что ещё простит мальчишку

За ложь, за непроглядную любовь,
За юность, что в глагольных сплошь
рифмовках,
За то, что верба на могиле бровь
Хмурит, за то, что так в кроссовках
Мне неудобно по воде идти,
Когда уже ни с кем не по пути.

Вадим МИХЕЕНКО

Тепла не хватает... И неприхотливой
Беседы вечерней, беседы волшебной...
Беседы приятельской неторопливой...
Беседы спокойной... беседы душевной...

Беспечности встречи весенних рассветов...
Восторг ощущения - птиц щебетанье...
Раздумья вопросов, догадок ответов...
Беседы спокойствия так не хватает...

А помнишь? Безвременье славно, счастливо...
Святое безвременье благословеньем
Нас нежило магией неторопливой
Беседы спокойной... беседы душевной...

Эдуард ШНЕЙДЕРМАН
ЭХ, ЯБЛОЧКО...

Яблоки,
а их в Эдемском саду
всегда был большой урожай,
созревали и падали, падали,
так что в раю постоянно стоял
густой запах яблочной падали.
А Господь
за какое-то яблочко,
дающее знание,
сорванное
с древа познания
любопытной Евой
и распробованное
на пару с Адамом
затем, чтобы лучше познать божий мир
и понять, где добро и где зло,
выгнал обоих из рая.
Да как же он мог
поступить так жестоко,
так нерасчётливо –
своих детей, их потомков
на голод и холод обречь,
чтобы нам
ради мяса и шкур
животных губить,
леса изводить,
насиловать землю,
сдружиться с коварным огнём,
до смерти биться друг с другом
ради пищи, пожиток, земли?!
И пошло...
И пошли...
И всё это ради несчастного яблочка,
которых в Эдемском саду завались!

Борис ВАНТАЛОВ (Б. КОНСТРИКТОР)
* * *

Гуляет мозг по улицам себя,
сквозь щелки глаз разглядывая нечто.
Частиц потоки, чувства теребя,
играют в разум бесконечно.

Мы выпитываем магму слов и снов,
как молоко из материнской груди.
Не ведая, что нет у нас основ.
Воронки мы, воронки, а не люди.

Валерий ЧЕРЕШНЯ
СКУЛЬПТУРА

Роберту Лотошу

«...отрадно спать, отрадней камнем быть»
Микеланджело-Тютчев

В скульптуре застыл
движения гений
и ветер остыл,
но слышится пенье.

Геракл грустит
в наклоне овальном,
и мрамор искрит
на сколе случайном.

И спящие спят
в покое утробном,
укрыты до пят, –
им это удобно.

Их сон – это свет,
ласкающий камень,
там времени нет:
приснится – и канет.

Тебе не войти
в их сладкую вечность,
но можно снести
свою быстротечность,

вобрав этот зал
внимательным взглядом:
ты смертен и мал,
но был где-то рядом.

Николай СИМОНОВСКИЙ
БЛИЗНЕЦЫ

Чужой чужому сродни:
чужие оба они.

Чужой чужому как брат:
чужой чужому не рад.

Чужому просто с чужим:
не говорить же с ним!

Чужого легко понять:
чужой – чего понимать!

не мать...

Анатолий МАСЛОВ
* * *

День протащил свое тело
к закату.
От ранней заутрени
По камням мостовой.
Ворон кричал
В когтях голова.
Пьяно залетному гостю.
Под тучей
Над городом
Кричал он,
метался
Куда он голову мертвую,
куда потащил?

А ночь-то тиха
Бархатом припорошилась
Ладонями упруго упершись,
не пускает, летит.
Конь-день засыпает в ночи
Тень-ворон плывет.
Усталую голову дня
оставил на камне.

В окраине
он раненый кричал,
что Пушкина убили
и убили.

Галина РУКИНА
* * *

Осенние цветы у входа в старый дом
Усталая старуха продаёт,
Устроившись уютно в солнечном пятне
На двух ступеньках.
Прохожие в пальто, плащах и шляпах
Текут неспешно через тень и солнце.
А в солнечном пятне сидит старуха,
И астры многоцветные лежат.
И зябко и тепло, и остро пахнет...
А скоро-скоро снег и зимнее пальто...
И всем нужна цветная осенняя старуха
На этот краткий миг перед зимой.

Аркадий ИЛИН
СЕТИ

Приходит сообщение –
уходит сообщение.
Стер запись –
восстановил запись.
Получил спам –
отправил в корзину.
Получил порнуху –
глазам не поверил.
Удалил порнуху –
получил сообщение:
«Тятя! Тятя! наши сети
притащили мертвеца».

Анатолий ДОМАШЁВ
* * *

Я заходил в квартиру Блока,
но Блока не было. Была
чужая жизнь чужого срока,
ни книжных полок, ни стола.
Цела лишь печь... Пока целая...
Да кухня, как купе вагона, -
блестят кастрюли в два ряда,
в её пространстве законном -
ребристый ствол и провода...
И ни пылинки, ни приметы
того, что здесь вот прожил Блок!
За белой дверью кабинета -
чужой беспечный говорок.
Туда я вовсе не ходок...

Сойдя по стёршимся ступеням,
я молча вышел со двора.
Был март, и воздухом весенним
сверкало небо, как гора
над эллингами, стапелями,
у тех - морских - ворот Невы...
Я оглянулся: тополями
дом окружён... Средь синевы
шли облака вдоль самых окон,
стояла речка под мостом,
и всё вокруг молчало Блоком,
как будто думало о нём.

ЮЛИАН ФРУМКИН-РЫБАКОВ
Ъ

Times New, я печатаю строчку за строчкой.
И зачем меня мучили чистописаньем,
Для чего мне теперь эти палочки, эти крючочки,
Если шрифт я могу поменять в полкасанья.

Враз могу: на арабском, английском, иврите.
Этот шрифт, электронный, воздушный
скрывается в чипе ли, в плате,
А свинцовые буквы, слова, вы меня извините,
Тяжелы на подъём, грандиозны,
как солнце в Крыму на закате.

Да, красиво, конечно, но как-то не функционально.
Интересно, а что наша прежняя Вечность,
В электронном обличье всё так же печальна?
В электронном обличье всё так же сердечна?

Даниил МИШИН
* * *

Дорогая сестра! Из больничной палаты писа.....
Или всё же – пища? Впрочем, ты догоняешь, о чём я.
Понимаю – ты вся растворилась в семье, как душа.
Без тебя наша жизнь превратилась бы в копоть
на чёрном.

С днем рожденья тебя не поздравить никак не могу –
Ты и так от меня нахлебалась несладкого мёда.
Обнимаю, любя, не желая и капли врагу
Твоих слёз за родных в эти месяцы смутного года.
Береги своих чад, и Женька, и родительский век!
И себя соблюди, и меня, если хватит запала!
Я – твой чокнутый брат. Ты – мне данный судьбой
оберег!

Улыбнись и лети! (Тридцать два – это только начало!)

Николай ЛУККА
ГЛЯДЯ ИЗ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

«Спящий чист ты: душа чиста и
глаза чисты.

(Где вы, страхов, тревог волчьи стаи?)
За час ты...

Нет! как встанешь, так дряни столько
лазами черпнёшь,
что заноешь: "Я шёл к исто-о-окам,
че-е-ереп нёс,

как грузинка кувшин с кристально-
чистой водой!.."

Или, может быть, нет креста на
мне?.. Худой

я, не мир?!» Так вчера, над заводами
видя дым,
думал я... Чай небесный заводами
от воды

той, что пьем, отказался б; Он пить бы
её не стал...

Увядаем. В саду сохнут липы;
а из гнезда

выпадают птенцы, покрытые
сыпью сплошь.

Сам страдаю от цыпок. Бритвою
проведешь

по шершавой щеке – как не было
кожи... Эх,

не видать мне сегодня Тьеполо!
Как на грех

Я побрился. С такую мордочу –
В Эрмитаж?

Ни за что!.. Существо я гордое!
Как Мидас,

До чего не дотронусь – всё в золото
превращаю. Взгляд,
взгляд такой! Хоть твержу: «Будь зол, а то
съедят,

с потрохами съедят! Сядут на голову,
думая, что
ты дурак; остригут наголо
и шутом

нарядят!..» А твержу я, чтобы
злее стать!

Но, увы, нет в душе злобы.
Мне б хлестать

водку!.. Пьяные годы, вы!.. клян
ва!.. Не вас –
Сам себя... Дай в окошко выгляну;
Нева с

синевою её, с чайками белыми –
впереди.

Я-то ныл! Берег блещет перлами!
Берег дик

был... А впрочем, что грёзы Растреллиевы
и иных?!

Там ведь зона... ларьками простреливаемая.
Всей вины

За сражёнными – «Шипром» ли? «Троей»* ли?
–

на пятак!
Не познали себя, не достроили –
вот беда!..

Мимо кладбища, помнится, в поезде
еду, а
в голове моей зреет повесть и
я едва

замечаю то кладбище сельское.
(Я б уснул,
кабы луч – мальчик удил – лескою
не скользнул.

Луг зелёный и поле капустное
шли войной
на могилы. Картина грустная.
Крест иной

падал в речку). Я еду... нищенский,
жалкий вид!

В паутине ограды кладбищенской
луч дрожит.

* «Троя» – биопродукт женьшеневый.

Ирина СЕРГИЕНКО

Врассыпную, кто куда,
Без оглядки,
Без оглядки,
Словно темные лошадки,
Закусивши удила,
Мы с Судьбой играем в прятки,
Раз, два, три...
И жизнь прошла.

Андрей КАГАДЕЕВ
ГНОМ

Красным светится окошко,
Тарахтит увеличитель,
По неведомым дорожкам
Ходит гномик-обличитель

Он несет в руках барсетку,
В ней лежит железный шарик
И завернутый в газетку
Обличительный фонарик

От него не увернуться,
Не спасет военный китель,
Не успеешь оглянуться –
Тут как тут изобличитель!

В мягких войлочных ботинках,
Сзади хвост как удлинитель,
Ходит-бродит по тропинкам
Низкорослый обличитель

Разбегайтесь, новоселы!
Режет тьму лучом фонарик,
Разрастается тяжелый
В голове навозный шарик...

Михаил САПЕГО
ВОРСИНКИ И КАТЫШКИ

ворсинки с катышками вкупе –
давно товарищи мои...
какие б я ни вёл бои
в каком бы ни варился супе –
люблю! чего уж там скрывать –
не отдавая предпочтенья,
ворсинок полную кровать
и частых катышков вкрапленья!

ПАРОВОЗНОЕ
так мнилось мне: я – шведский паровоз
несущийся себе других помимо...
и эти искры что из под колёс!..
и эти клубы те что клубы дыма!..
и это счастье!.. что не передать
вестимое лишь токмо паровозам...
но стал я пить курить переедать
и неприличным предаваться грёзам
и прочее... и не хватает слёз... –
какой во мне погибнул паровоз!..

Андрей КУЗЬМИН

Я несущ мешок с добром,
Я сгибаюсь пополам,
А в мешке моем тюфяк,
Простыня и прочий хлам.

Перетаскиваю скарб,
Все, что нажила семья,
Одеяло и носки,
Горы старого тряпья

Умещаются в мешке,
Благо мало своего,
Все свое ношу с собой,
Все, почти что ничего.

Я трясу мешок, а там,
Копошится моль и пыль.
Пробегает таракан,
Тихо звякает бутылка,

Вот ботинки, вот трусы,
Вот дырявое пальто
Все что родная семья
Накопила лет за сто.

НА СВИДАНИЕ

Лето. Пол пятого. Вечер.
Спешу к любимой навстречу.
И каждый, кто ходит вокруг,
Мне и приятель и друг.

И если б я встретил гадюку,
Я просто пожал бы ей руку
Или в душистой траве
Погладил по голове.

Ирина ДУДИНА

Отравили Славянку.
Испоганили ее изнанку.
Была речка славная.
Стала речка сливная.
В Славянке рыбки плавали.
Теперь в ней яды противные.
Текла Славянка милая
По зелёному парку царскому,
А теперь пузырчато взмылена,
Убита свиньями безжалостно.
Знаково гибнет Славянка.
Две тысячи десятый год.
Россию жрёт лихоманка.
Червь лживый ее жрёт.

Слава ЛЁН
БОРИСУ ГРАФ ОРЛОВУ

Борис по пращуру Орлов
Екатерининских орлов
грозней Багратиона
имперский дух пришёл поднять
в Москву
пока народ подмять
рыдала радиола

воздвигнув грудь без головы
рядами выстроил увы
парадные картины
из лент – медалей – орденов –
дипломов – премий – ордеров
на новые квартиры

и командиры шли вперёд спиной
стахановских пород
народ дубел и падал
лицом в сугроб лесоповал
и маршалов не миновал –
одной поляны падаль

и братскою могилой ГЭС
вставала чудом из чудес
из виршей Потаскушки
и Пригова который вор Лимонова
на приговор обрек
абрек и скушал

покуда массаами бурлил Арбат
с наскоку взял Берлин
ОРЛОВ! –
Москва за нами Победа
в пользу решена
народа русского –
рожна какого! –
ВЫШЕ ЗНАМЯ

9 мая 2010

Борис КОЗЛОВ
БАК

Свершилось! Не войте, не лайте!
Хватит стонать и вопить.
Запущен адронный коллайдер!
Грех за такое не выпить!

Из ЦЕРНа идут сообщенья:
«До пятой доходит пучок!»
И пусть остановится время,
А как же «откат» и почёт?

Ведь сколько трудилось народу,
Научных «прогрелось» тем!
И, право, глядели, как в воду
Азимов, Стругацкие, Лем!

Зачем же пророчить погибель?
Наука зовет нас ввысь.
Пускай обернется в прибыль
Ее прогрессивная мысль.

Поверьте, вложили немало:
Четыре и шесть млрд.
В фунтах, а если в долларах,
Девять и два млрд.

Там тридцать сотрудников наших
Горбатились столько лет.
И что им сидеть у параши?
Смотреть на богатых коллег?

Хотелось бы как-то быть в доле.
Иметь, так сказать, интерес.
И если бозон нам позволит,
Пусть капнут проценты с небес.

Не знаю, что скажет анализ.
Найдем ли частицу Бога?
Но физики, те «приподнялись».
И мне бы хотелось немного...

И чтоб из других измерений
Наполнился БАК лет на сто.
Я пью человеческий гений...
...И падаю мордой об стол.

Термины:
БАК – Большой Адронный Коллайдер
ЦЕРН – Европейский Совет по ядерным исследованиям

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ	2
КАТАЛОГ	3
ПРОГРАММА ПЕРФОРМАНСА	11
ЮБИЛЯРЫ	14
ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ “ПЕТЕРБУРГ-2009”	15
ПУБЛИКАЦИИ, ПРОЗА	25
ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	33

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
" М А Н Е Ж "

дизайн - Лариса Скобкина
типография "Тетра"
Санкт-Петербург
2010